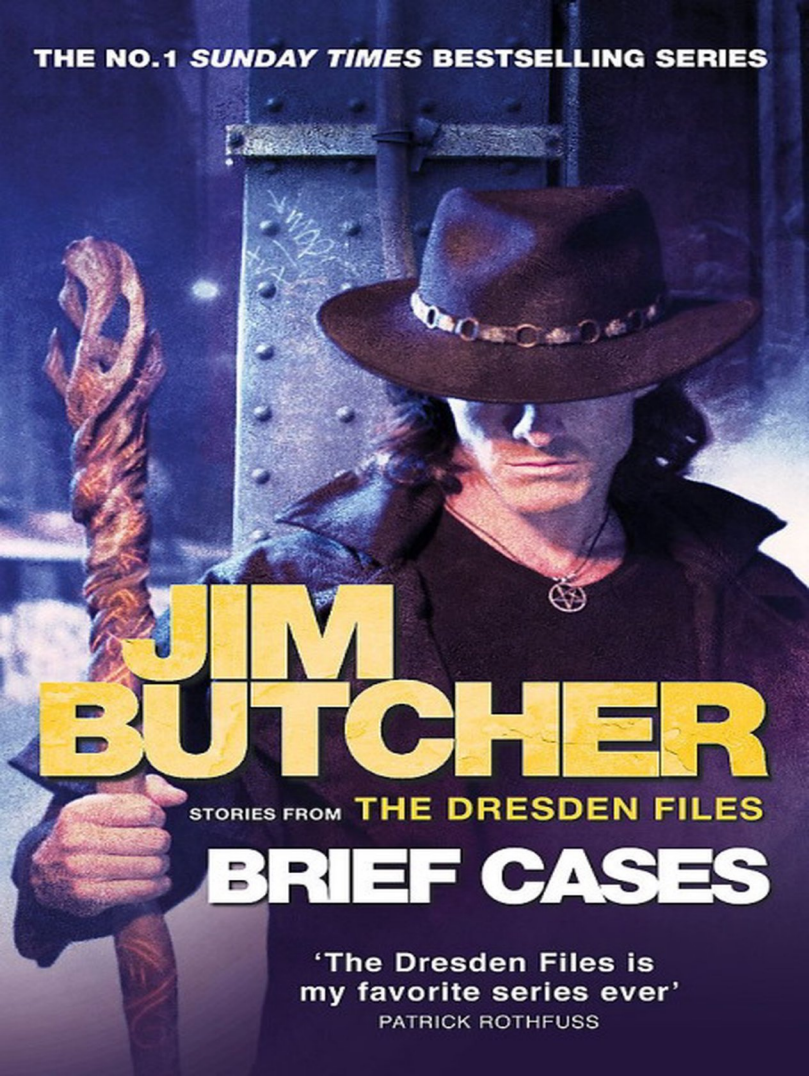

THE NO.1 SUNDAY TIMES BESTSELLING SERIES
JIM BUTCHER
STORIES FROM THE DRESDEN FILES
BRIEF CASES
'The Dresden Files is my favorite series ever'
PATRICK ROTHFUSS

Красотки
Джим Батчер

Джим Батчер. КРАСОТКИ

Джим Батчер
КРАСОТКИ

Я скучаю по своему боссу.

Прошел почти год с тех пор, как я помогла ему умереть, и все это время я оставалась единственным профессиональным чародеем в городе Чикаго.

Ну ладно. По правде говоря, официально я не чародей. Я все еще ученица. И никто мне не платит, если не считать бумажники и другие ценности, которые я иногда забираю у мертвецов, так что я скорее любитель, чем профессионал. И у меня нет лицензии частного детектива, какая была у моего босса, или рекламы в телефонной книге.

Но я все еще здесь. Я не так сильна, как он, и не настолько хороша, как он. Остается лишь надеяться, что моих способностей хватит, чтобы справляться с возникающими проблемами.

Так или иначе, но сейчас я смываю кровь в душе Уолдо Баттерса.

В последнее время я в основном живу под открытым небом, что не так ужасно летом и в начале осени, как в период арктического холода прошедшей суперзимы. С тем же успехом можно спать на тропическом пляже. И все же мне не хватает регулярного доступа к водопроводу, и Уолдо пускает меня помыться всякий раз, когда возникает необходимость. Я сделала воду макси-

мально горячей и почувствовала, что я в раю. Это был обжигающий рай, но все же рай.

За несколько секунд пол в душе стал красным, но довольно быстро порозовел, когда я смыла большую часть крови. К счастью, не моей крови. Банда приспешников «Фомора» уносила пятнадцатилетнего мальчика в сторону озера Мичиган. Если бы они туда добрались, его бы ждала судьба более страшная, чем смерть. Я вмешалась, но ублюдок Слухач перерезал мальчику горло, чтобы не отдавать мне свою добычу. Я попыталась его спасти, когда Слухач с дружками бросились бежать. У меня не получилось. Я осталась с ним и почувствовала все, что происходило в его душе: смятение, боль и ужас, когда он умирал.

С Гарри ничего подобного не случилось бы. Он бы спас мальчишку. Разделался бы с приспешниками «Фомора», как с кеглями в боулинге, поднял бы его, точно герой сериала, и отнес в безопасное место.

Мне очень не хватает моего босса.

Я намылилась изо всех сил. Наверное, я плакала. Тогда, месяцы назад, я обошлась без слез, но иногда я даже не замечаю, как они начинают литься. Я стояла под горячим душем, с наслаждением позволив воде омыть мое тело, и наконец

почувствовала себя чистой — ну хотя бы физически. Шрам на ноге от пули все еще оставался заметным, но его цвет изменился от пурпурно-красного к сердитому розовому. Баттерс сказал, что через пару лет он исчезнет. Я уже снова могла спокойно ходить, если избегала уж очень серьезных нагрузок. Но, проклятие, моим ногам и некоторым другим местечкам пришла пора возобновить знакомство с бритвой, даже с учетом того, что я блондинка.

Я намеревалась их игнорировать, но уход за собой помогает сохранять хорошее настроение. В здоровом теле здоровый дух — и все такое. Я не дура и понимаю, что в последнее время далеко не всегда была на уровне. А посему моя мораль нуждалась в любой поддержке. Я наклонилась и взяла розовую пластмассовую бритву Энди, решив, что расплачусь с подружкой-оборотнем Уолдо потом.

Я закончила бриться как раз в тот момент, когда из душа полилась холодная вода, и вытерлась. Мои вещи неопрятной грудой валялись возле двери — кое-что купленное на распродаже в Биркенстоксе, старый нейлоновый рюкзак и залитая кровью одежда. Значит, еще один комплект отправится в помойку. Мои сандалии

оставили следы на месте, где умер мальчик, так что придется избавиться и от них и наведаться в какой-нибудь магазинчик подержанной одежды, если в ближайшем будущем ничего не изменится. При обычных обстоятельствах это меня бы порадовало, но сейчас заниматься покупками совсем не хотелось.

Я наклонилась, чтобы подобрать упавшие волоски и все остальное, когда в дверь кто-то постучал. Я продолжала разглядывать пол. При моей работе враги могут сделать с тобой кошмарные вещи, если им удастся завладеть частичками твоего тела. Не убирать за собой равносильно тому, чтобы с расстояния в двадцать кварталов предложить кому-нибудь вскипятить твою кровь. Нет, большое спасибо.

— Да? — ответила я.

— Послушай, Молли, — сказал Уолдо. — Тут… кое-кто хочет с тобой поговорить.

Мы с ним заранее условились о многих вещах. Если он использовал слово «чувство» в любой из своих фраз, это означало, что за дверью меня поджидает опасность. А если его не было, значит, и опасности нет — или он не в состоянии ее увидеть. Я надела браслеты и кольцо и спрятала оба магических жезла так, чтобы иметь возможность

выхватить их без малейшей задержки. Только после этого я начала одеваться.

— Кто? — спросила я.

Уолдо очень старался говорить спокойно, когда находился рядом со мной. И я ценила его усилия. Он был очень милым.

— Она говорит, что ее зовут Жюстина. Утверждает, что вы знакомы.

Я знала Жюстину. Она была рабом вампиров Белой Коллегии. Или личным помощником одного и подружкой другого. Гарри всегда тепло о ней отзывался, хотя вел себя как самый настоящий бестолковый идиот, когда дело доходило до женщин с потенциалом стать принцессой, которой грозит опасность.

— Если бы он был здесь, — пробормотала я себе под нос, — он бы ей помог.

Я не стала вытирать запотевшее зеркало перед уходом из ванной комнаты, потому что больше не хотела в него смотреть.

Жюстина, всего на несколько лет старше меня, но с совершенно седыми волосами, была необыкновенно хороша собой, из тех девушек, которых парни считают слишком красивыми, чтобы к ним подойти. Она пришла ко мне в джинсах и рубашке на несколько размеров больше, чем

требовалось, и я сразу поняла, что рубашка принадлежала Томасу. Ее жестикуляция и мимика оставались напряженными, но нейтральными. Жюстина прекрасно умела контролировать свои чувства, но я заметила тщательно скрываемый страх. Я ведь чародей, ну, или почти чародей и работаю с человеческим разумом. Людям редко удается что-то от меня скрыть.

Если Жюстина боялась, то только за Томаса. А раз пришла за помощью, значит, не сумела получить ее в Белой Коллегии. Мы могли бы вежливо поговорить, и она бы мне все рассказала. Однако в последнее время у меня не хватало терпения на всякие там реверансы, и я сразу перешла к делу.

— Привет, Жюстина. Как я могу помочь тебе с Томасом, если даже его собственная семья не в силах это сделать?

Глаза Жюстины вылезли из орбит. У Уолдо был вид ничуть не лучше.

Я уже привыкла к подобной реакции.

— Откуда ты узнала? — тихо спросила Жюстина.

Если занимаешься магией, люди думают: все, что ты делаешь, непременно с ней связано. Гарри это веселило. Для него магия являлась одним из инструментов, которыми пользуется разум для

решения самых разных проблем. И он считал разум намного важнее волшебства.

— А это имеет значение?

Она нахмурилась, отвернулась от меня и покачала головой.

— Он исчез. Я знаю, что он отправился выполнять какое-то поручение Лары, но она говорит, что ничего не знает. Она лжет.

— Она вампир. И ты не ответила на мой первый вопрос. — Мой голос прозвучал жестче, чем я сама того хотела. Тогда я попыталась расслабиться, сложила на груди руки и оперлась о стену. — Почему я должна тебе помогать?

Я не собиралась отказывать Жюстине. Но я знала тайну Гарри и Томаса, которая была известна лишь немногим, и мне хотелось выяснить, известен ли их секрет Жюстине, или мне и дальше предстоит его скрывать.

Жюстина пристально посмотрела мне в глаза.

— Если ты не можешь обратиться за помощью к семье, то к кому ты пойдешь? — спросила она.

Я отвела глаза до того, как заглянуть к ней в душу, но ее слова и поза, все вместе помогли мне получить ответ.

Она знала.

Томас и Гарри были сводными братьями. Она

бы пришла на помощь к Гарри, будь он жив. А я была единственным человеком, который хотя бы частично являлся наследником Гарри здесь, и она надеялась, что я захочу занять его место. Его огромное и страшное место.

— Ты идешь к друзьям, — тихо ответила я. — Мне потребуется что-нибудь от него. Волосы или обрезки ногтей…

Жюстина вытащила из нагрудного кармана рубашки закрытый пластиковый пакет и молча протянула мне. Я взяла его и увидела в нем несколько темных волосков.

— Ты уверена, что они Томаса?

Жюстина указала на свою седую гриву.

— Их не так просто перепутать.

Я перехватила взгляд наблюдавшего за мной с противоположной стороны комнаты Баттерса, носатого коротышки, жилистого и энергичного. Через его волосы словно пропустили электрический ток, а потом заморозили. Я увидела тревогу в глазах этого обычно спокойного и уверенного в себе человека. Он работал патологоанатомом, но был одним из самых разумных людей в городе, когда дело доходило до сверхъестественных явлений.

— Что такое? — спросила я у него.

Он обдумал свои слова, прежде чем дать ответ — и не столько из-за того, что боялся меня, скорее ему не хотелось оскорбить мои чувства. В последнее время многие стремились поступать наоборот.

— Стоит ли тебе в это влезать, Молли?

На самом деле он хотел спросить, в своем ли я уме. Смогу ли помочь или только все испорчу?

— Я не знаю, — честно ответила я и посмотрела на Жюстину. — Подожди здесь.

Я прихватила свои вещи, взяла пластиковый пакетик с волосами и вышла из комнаты.

Первое, чему меня научил Гарри Дрезден, — это отслеживать заклинания.

— Принцип очень простой, девочка, — сказал мне как-то Гарри. — Мы создаем энергетическую связь между двумя одинаковыми вещами. Так мы получаем индикатор, который показывает, куда направлена энергия.

— И что мы найдем? — спросила я.

Он как раз держал в руке довольно толстый серый волос и кивком показал на своего пса по кличке Мыш. Как по мне, гигантскому мохнатому храмовому псу размером с пони больше подошла бы кличка Лось.

— Мыш, спрячься куда-нибудь, а мы попробуем

тебя найти, — сказал Гарри.

Большой пес зевнул и неспешно двинулся к двери. Гарри выпустил его, вернулся и сел рядом со мной. Мы находились в его гостиной. Пару ночей назад я набросилась на него. Голая. А он вылил мне на голову кувшин ледяной воды. Я до сих пор на него обижалась — но, наверное, Гарри поступил правильно. Он всегда все делал правильно, даже если это означало, что он проиграет. Я все еще ужасно хотела быть с ним, но, видимо, время еще не пришло.

Но я не против. Я умею быть терпеливой. И я все еще могла быть с ним — хоть и по-другому — почти каждый день.

— Хорошо, — сказала я, когда он уселся рядом. — Что мне теперь делать?

За годы, прошедшие с того дня, выученное тогда заклинание стало рутиной. Я использовала его, чтобы отыскивать пропавших людей, тайники, бесследно исчезнувшие носки, ну и совать нос, куда не следовало. Гарри сказал бы, что это и означает быть чародеем. Гарри был прав.

Я остановилась в переулке за домом Баттерса и маленьким кусочком розового мела начертила на бетоне круг. Замкнув его легким усилием воли, я вытащила из пластикового пакетика волос и под-

няла его вверх. Потом сфокусировала энергию на заклинании, собирая воедино в своем сознании различные стихии. Когда мы начинали, Гарри разрешал мне использовать четыре разных предмета, учил совмещать их с мыслями, чтобы они отражали различные части ритуала, но теперь я умела обходиться без них. Магия рождается в голове у чародея. Можно брать реквизит, чтобы упростить себе жизнь, и в действительно сложных случаях вещи помогают сделать совершенно невозможное всего лишь почти невозможным. Однако для решения простых задач мне уже не требовалась помощь такого рода.

Я мысленно собрала различные части заклинания, соединила их вместе, усилием воли придала им некоторую энергию, пробормотала одно слово и направила полученную субстанцию в волос, зажатый в моих пальцах. Затем я положила волос в рот, разбила круг, стерев меловую черту ногой, и встала.

Гарри всегда использовал какой-то предмет в качестве индикатора отслеживающего заклинания — свой амулет, компас или нечто вроде маятника. Я не хотела оскорблять его чувства, но и это не является обязательным. Магия пульсировала в волосе, слегка пощипывая мои губы.

Я вытащила дешевый пластиковый компас и покрытый мелом шнур десяти футов длиной, затем направила его на север, куда указывала стрелка компаса.

Потом я взяла второй конец шнура и начала медленно его поворачивать, пока воздействие волоса на мои губы не стало максимальным. Губы едва ли не самая чувствительная часть тела, и я обнаружила, что они дают самую надежную обратную связь в таких случаях. Как только я узнала, в какой стороне находится Томас, я направила туда шнур, убедилась, что он натянут, и щелкнула по нему, в результате чего он принял удлиненную форму буквы V — совсем как кончик гигантской иголки. Я измерила расстояние в основании V, повернулась на девяносто градусов, отошла на пятьсот шагов и проделала все снова.

Обещайте мне, что не сдадите меня моему школьному учителю математики, но после этого я применила тригонометрию в реальной жизни.

Все предельно просто. У меня получились два угла, отложенных от луча, направленного на север. Расстояние между их вершинами я знала в шагах Молли. Шаги Молли не слишком научное понятие, но в данном случае вполне достаточное, чтобы вычислить расстояние до Томаса.

Используя эти простые инструменты, я не могла получить дверь, которую следовало взломать, но узнала, что он сравнительно близко — и находится на расстоянии, не превышающем четыре или пять миль, а не на северном полюсе, к примеру. Я много перемещаюсь по городу, потому что в движущуюся мишень труднее попасть, и обычно прохожу в три или четыре раза больше.

Мне требовалось подойти к нему значительно ближе, чтобы определить его положение более точно. Поэтому я повернула лицо в направлении наибольшего покалывания и зашагала в нужную сторону.

Томас находился в небольшом офисном здании, расположенном среди множества других, более крупных.

На таком участке земли вполне можно было построить что-нибудь огромное, но большую часть территории занимали ухоженные лужайки и сад с прудами, окруженные невысокой кованой оградой. При строительстве использовали камень и мрамор, а в карнизах чувствовалось больше класса, чем в башнях соседних сооружений. Здание поражало своим великолепием и вместе с тем казалось недооцененным; оно походило на маленький безупречный бриллиант в обрамлении

громадных кусков из горного хрусталя.

Снаружи я не заметила никаких надписей, а также очевидного входа, за исключением ворот, которые охраняли компетентного вида мужчины в темных костюмах. Очень дорогих. Я подумала, что если охранники имеют возможность носить такое на работе, значит, владелец здания богатый человек, и за ним стоят серьезные деньги.

Я обошла здание со всех сторон, чтобы убедиться, что заклинание всякий раз указывает на него, — да, Томас находился там. И хотя я старалась держаться дальней стороны улицы, кто-то все-таки меня заметил. Я почувствовала, что охранники начали за мной следить, хотя их глаза скрывали темные очки. Может быть, мне следовало подойти, укрывшись под вуалью, но Гарри всегда возражал против применения магии без прямой необходимости, к тому же очень легко начать ею пользоваться для достижения примитивных целей — только позволь себе это.

В некоторых отношениях я даже лучше, чем Гарри, когда нужно ответить на вопрос «как». Но я поняла, что никогда не стану такой же умной, как он, когда встает вопрос «почему».

Я зашла в ближайший «Старбакс», купила чашку жидкой жизни и стала размышлять, как

попасть внутрь здания. Мой язык уже вовсю нахваливал мне мой великолепный разум, когда я почувствовала быстрое приближение сверхъестественных сил.

Я постаралась сохранять спокойствие, потому что паника убивает. Вместо этого я быстро повернулась на одном каблуке и скользнула в узкий проход, ведущий в маленькую туалетную комнату. Войдя внутрь, я закрыла за собой дверь, вытащила из кармана на бедре магические жезлы и проверила уровень энергии в браслетах. Оба были готовы к использованию. Кольца также, иными словами, можно действовать.

Так что я привела в порядок мысли, совершила небольшое волевое усилие, прошептала слово и исчезла.

Вуали — совсем не простая магия, но у меня к ним талант. Стать совершенно и полностью невидимой задача чрезвычайно сложная: когда ты пропускаешь через себя свет, оказывается, что он холодный, как камень, и ты начинаешь замерзать, не говоря уже о том, что превращаешься в слепую курицу. А вот сделаться незаметной — иной коленкор. Благодаря хорошей вуали вместо тебя люди видят лишь мерцание и неясные тени там, где их быть не должно, но и это еще

не все. Воздух вокруг приобретает необычные свойства — у случайного наблюдателя создается впечатление, что он занят очень скучной работой в три тридцать дня. Так что сочетание подобных ощущений с мерцанием позволяет оставаться невидимкой без особых усилий.

Когда я исчезла за вуалью, мне удалось вызвать новый образ — еще одно сочетание иллюзии и внушения. Он был совсем простым: я сама, какой отражалась в зеркале еще мгновение назад, ослепительно прекрасная и улыбчивая, поглощающая чашку райского напитка. И одновременно мое собственное присутствие: звук шагов и движение, запах шампуня Баттерса и аромат чашки кофе. Я привязала картинку к одному из колец у себя на пальце и оставила там, чтобы она черпала энергию, накопленную в лунном камне. Затем я повернулась и под прикрытием образа, наложенного на мое тело, вышла из кафе.

Как только я оказалась снаружи, дальше, как и со всяким хорошим маневром уклонения, было совсем просто. Мой образ повернул налево, а я сама — направо.

Для любого, кто наблюдал бы со стороны, из кафе вышла молодая женщина со стаканчиком кофе в руке и небрежной походкой зашагала

по улице. Она явно получала удовольствие от происходящего. Мой образ немного энергичнее раскачивал бедрами, что тут же привлекло к нему внимание (значит, он еще лучше выполнял свою роль). Так он пройдет по улице милю, а потом попросту исчезнет.

Я же свернула в переулок и стала наблюдать.

Мой образ не успел пройти и ста ярдов, как из переулка вышел мужчина в черном свитере с высоким воротником и последовал за ним — слуга «Фомора». Этих подонков в последнее время развелось превеликое множество, как тараканов, они стали более отвратительными, и убивать их стало намного сложнее.

Вот только… все получилось слишком уж просто. Один слуга не мог заставить меня отреагировать на него так остро. Да, они были сильными, быстрыми и безжалостными, но не опаснее, чем многие другие темные существа. И они не обладали серьезной магической силой, в противном случае «Фомор» не стал бы иметь с ними дела.

Там было что-то еще, нечто хотело меня отвлечь, заставить наблюдать за мнимым слугой, следующим за мнимой Молли. И если этот кто-то знал меня настолько хорошо, чтобы устроить по-

добный трюк для отвлечения моего внимания, он мог обнаружить меня даже под вуалью. А такие люди наперечет.

Я засунула руку в нейлоновый рюкзак и вытащила нож, точнее, штык от М9, который мой брат привез из Афганистана. Обнажив тяжелый клинок, я закрыла глаза и быстро повернулась, держа его в одной руке и кофе в другой. Затем, быстро открыв крышку большим пальцем, я плеснула кофе по широкой дуге на высоте груди.

Услышав стон, я сориентировалась на звук, открыла глаза, шагнула к источнику и вонзила нож в воздух где-то на уровне немного выше собственного сердца.

Сталь клинка заискрилась и засверкала, пронзив вуаль, находившуюся всего в нескольких дюймах от меня. Я сделала быстрый шаг сквозь вуаль, направив острие клинка перед собой, и передо мной возникла женщина, немного выше меня, в истрепанной, перепачканной кофе одежде, с распущенными осенне-огненными волосами, которыми играл ветер. Она отпрянула назад и в сторону, и ее плечи оказались прижатыми к кирпичной стене дома.

Я не остановилась и направила клинок женщине в горло, но в последнюю секунду мое

запястье перехватила бледная рука, быстрая, точно змея, но более сильная и холодная. Мое лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее лица, когда я поднесла вторую руку к рукояти ножа и слегка на нее надавила — достаточно сильно, но не так, чтобы потерять равновесие, если она сделает резкое движение. Она была стройной и красивой даже в лохмотьях, с большими, слегка раскосыми зелеными глазами и идеальным овалом лица, какой бывает у редких супермоделей — и у всех Сидхе.

— Привет, Тетушка, — спокойно сказала я. — Нехорошо подбираться ко мне сзади. В особенности в последнее время.

Она удерживала мой вес одной рукой, хотя ей было нелегко, и я уловила напряжение в мелодичном голосе.

— Дитя, — выдохнула она, — ты предвидела, что я подойду. И если бы я тебя не остановила, вонзила бы холодную сталь в мою плоть, что заставило бы меня невыразимо страдать. Ты бы пролила мою кровь на землю. — Ее глаза широко раскрылись. — Ты бы лишила меня жизни.

— Совершенно верно, — вежливо согласилась я.

На ее губах появилась широкая улыбка, и я

снова поразилась тому, какие у нее идеально ровные зубы.

— Я хорошо тебя обучила.

Затем она с удивительным изяществом ускользнула от клинка и отступила от меня на большой шаг. Не сводя с нее глаз, я опустила нож, но убирать его не стала.

— У меня нет времени для уроков, Тетушка Леа.

— Я здесь не для того, чтобы тебя учить, дитя.

— Для игр у меня также нет времени.

— И играть с тобой я не собираюсь, — сказала Леанансидхе, — но я должна тебя предупредить: здесь небезопасно.

Я приподняла бровь.

— Ну ничего себе!

Леа укоризненно склонила голову и поджала губы. Ее взгляд скользнул мимо меня в сторону переулка, потом она повернулась проверить наши тылы. Выражение ее лица изменилось. Оно по-прежнему оставалось невероятно высокомерным, но слегка утратило жесткость.

— Ты шутишь, дитя, но твоя жизнь подвергается очень серьезной опасности — как и моя. Нам следует оставить это неблагополучное место. — Она посмотрела мне в глаза. — Если ты

жаждешь сразиться с сильным врагом, если твоя цель — вернуть брата моего крестника, я должна тебе кое-что сказать.

Я прищурилась. Крестная фея Гарри стала моей наставницей, когда Гарри умер, но она вовсе не была доброй феей. Более того, она являлась второй по важности после Мэб, Королевы Воздуха и Тьмы. Леа, кровожадная и опасная, делила своих врагов на две категории: те, что мертвы, и те, с которыми она еще не имела удовольствия разделаться. Я не подозревала, что ей известно о Гарри и Томасе, но это меня не сильно удивило.

Леа была смертоносным и жестоким существом, но, по моим представлениям, никогда мне не лгала. В буквальном смысле.

— Пойдем, — сказала Леанансидхе.

Она повернулась и быстро зашагала в сторону дальнего конца переулка, собрав вокруг себя вуаль, чтобы исчезнуть для наблюдателей.

Я оглянулась назад, на здание, где держали Томаса, стиснула зубы и последовала за ней, на ходу объединив наши вуали.

Мы шли по улицам Чикаго, невидимые для тысяч глаз. Все люди, мимо которых мы проходили, бессознательно делали несколько шагов в сторону, чтобы избежать контакта с нами. Когда

ты в толпе, очень важно отправить указание на уклонение. Если дюжины людей начнут в тебя врезаться, невидимость пойдет прахом.

— Расскажи мне, дитя, — сказала Леа, переходя с архаичной на обычную речь. Когда мы оставались наедине, она иногда так делала. — Что тебе известно о свартальвах?

— Совсем немного, — ответила я. — Они родом из Северной Европы, маленькие, живут под землей, лучшие производители магических артефактов на земле; Гарри покупал у них вещи всякий раз, когда мог себе позволить, но они обходились недешево.

— Как сухо, — заявила волшебница. — Ты говоришь, словно книгу читаешь, дитя. А книги нередко имеют мало общего с реальной жизнью. — Ее пронзительные зеленые глаза сверкнули, когда она повернулась посмотреть вслед женщине с ребенком на руках. — Что ты о них *знаешь*?

— Они опасны, — тихо ответила я. — Очень опасны. Старые боги Севера часто приходили к свартальвам за оружием и доспехами, но никогда не пытались с ними воевать. Гарри не раз говорил, что ему несказанно повезло, что не пришлось вступать в схватку со свартальвом. И еще они благородны. Они подписали Неблагое

Соглашение и выполняют его. Свартальвы до конца поддерживают своих собратьев. Они не люди и не отличаются добротой, и только глупец встанет у них на пути.

— Лучше, — сказала Леанансидхе и небрежно добавила: — Глупышка.

Я снова посмотрела на здание, которое мне удалось найти.

— Это их владения?

— Крепость, — уточнила Леа. — Центр смертных дел здесь, на великом перекрестке. Что еще ты про них помнишь?

Я тряхнула головой.

— Ну, одну из северных богинь похитили из-за украшения…

— Фрейю, — уточнила Леа.

— И вор…

— Локи.

— Да. Он заложил его у свартальвов, или что-то вроде того, и вернуть их оказалось совсем не просто.

— Остается только поражаться, как можно говорить о чем-то столь невнятно и вместе с тем точно, — сказала Леа.

Я усмехнулась.

Леа бросила на меня мрачный взгляд.

— Ты прекрасно знаешь эту историю. И ты хотела… натянуть мне нос, кажется, так говорят.

— У меня была хорошая учительница, — сказала я. — Фрейя отправилась вернуть свое ожерелье, и свартальвы согласились, но только в том случае, если она поцелует каждого из них.

Леа закинула голову назад и расхохоталась.

— Дитя, — сказала она, и в ее голосе появились злые нотки, — не забывай, что многие из старых легенд переведены и переписаны довольно чопорными учеными мужами.

— Что ты хочешь сказать? — спросила я.

— Что свартальвы не согласились бы отдать одно из самых ценных украшений в мире за визит вежливости на первую базу.

Я заморгала и почувствовала, что начала отчаянно краснеть.

— Ты хочешь сказать, что ей пришлось…

— Совершенно верно.

— *Со всеми?*

— Именно.

— Вау, — сказала я. — Я люблю украшения не меньше, чем любая другая девушка, но это уже слишком. Явный перебор. То есть я даже представить такое не могу.

— Может быть, — сказала Леа. — Все зависит от

того, как сильно ты хочешь получить что-то от свартальвов.

— Ага. Ты намекаешь на то, что мне придется трахнуться с каждым из них, чтобы вытащить оттуда Томаса? Ну… этому не бывать.

Леа улыбнулась, вновь показав безупречные зубы.

— Мораль всегда так забавна.

— А ты бы это сделала?

Леа выглядела оскорбленной.

— Ради кого-то другого? Конечно, нет. Ты понимаешь, какие обязательства это накладывает?

— Ну, не совсем.

— Выбор делать не мне. Ты должна спросить себя: неужели для тебя важнее спокойная совесть, чем жизнь вампира?

— Нет. Но должен существовать и другой способ.

Казалось, Леа задумалась над моими словами.

— Свартальвы любят красоту. Они ее жаждут так же, как дракон мечтает о золоте. Ты молода, прелестна и… «невероятно хороша», кажется, так говорят. Обмен твоих знаков внимания на вампира — отличная сделка, которая почти наверняка сработает, если он еще жив.

— Тогда мы назовем этот вариант «План Б», —

сказала я. — Или «План Х». А может, «ХХХ». Почему бы просто не вломиться туда и не вытащить Томаса?

— Дитя, — укоризненно сказала Леанансидхе. — Свартальвы очень сильны в Магии, а это одна из их крепостей. *Я* не могла бы так поступить и уцелеть. — Леа склонила голову набок и бросила на меня один из своих жутковатых взглядов, от которых мне всегда становилось не по себе. — Так ты хочешь спасти Томаса или нет?

— Я хочу знать все возможности, которыми располагаю, — сказала я.

Чародейка пожала плечами:

— Тогда я советую тебе выяснить это как можно быстрее. Если он все еще жив, Томасу Рейту осталось не больше пары часов.

Я открыла дверь в квартиру Уолдо, захлопнула ее за собой и заперла.

— Я его нашла, — сказала я.

Когда я повернулась в сторону комнаты, кто-то отвесил мне полновесную пощечину.

Не из тех, какими обычно будят — «Эй, проснись!». Если бы такой удар нанесли кулаком, было бы больно.

Я покачнулась, совершенно ошеломленная.

Подружка Уолдо, Энди, сложила руки на гру-

ди и, прищурившись, смотрела на меня. Она была девушкой среднего роста, но сложена, как модель, решившая профессионально заняться борьбой, — и к тому же оборотень.

— Привет, Молли, — сказала она.

— Привет, — ответила я. — И… ой.

Она держала в руке розовую пластмассовую бритву.

— Давай-ка поговорим о личных границах.

Что-то уродливое глубоко внутри меня обнажило когти и напряглось. Та часть меня, что хотела делать вещи, связанные с железнодорожными шпалами и стоками в полу. У каждого есть нечто подобное в душе. Нужно совершить ужасные поступки, чтобы вызвать к жизни *такую* дикость, но она есть у всех нас. Именно она приводит к бессмысленным зверствам и превращает войну в ад.

Никто не хочет говорить об этом или думать, но я не могла позволить себе сознательное невежество. Я не всегда была такой, но после года борьбы с «Фомором» и темной стороной сверхъестественного в Чикаго сильно изменилась. Эта моя часть постоянно оставалась активной и подталкивала мои чувства к конфликту с разумом.

Я приказала ей заткнуться и умерить пыл.

— Ладно, — сказала я. — Поговорим, но позднее. Сейчас я занята.

Я двинулась мимо Энди в комнату, но она остановила меня, положив руку на плечо, и оттолкнула обратно к двери. Мне не показалось, что она особенно старалась, но я чувствительно приложилась о дерево.

— Сейчас самое подходящее время, — заявила она.

В своем воображении я сжала кулаки и досчитала до пяти в пронзительном крике. Не приходилось сомневаться, что Гарри не сталкивался с подобной нелепицей. Я не могла терять время, но и драться с Энди мне совсем не хотелось. С другой стороны, отступать тоже было нельзя. Я позволила себе скрипнуть зубами и глубоко вздохнуть, а потом кивнула:

— Ладно, что тебя тревожит, Энди?

Я не произнесла «ты, сука», но подумала эти слова достаточно громко. Мне бы не следовало быть такой плохой девочкой.

— Это не твоя квартира, — сказала Энди. — Ты не можешь приходить сюда, когда захочется, в любое время дня и ночи, что бы здесь ни происходило. Ты хотя бы однажды подумала, что ты делаешь с Баттерсом?

— Я ничего не делаю с Баттерсом, — сказала я. — Я всего лишь зашла принять душ.

— Сегодня ты явилась вся в крови. — Голос Энди стал еще более жестким. — Уж не знаю, что там случилось, но мне без разницы. Меня волнует только одно: какие еще беды ты можешь навлечь на других людей?

— Никаких проблем не было, — сказала я. — Послушай, я куплю тебе новую бритву.

— Речь не о вещах или деньгах, — заявила Энди. — Мы говорим об уважении. Баттерс всегда готов тебе помочь, но ты даже спасибо ему не говоришь. А что, если за тобой следили, когда ты шла сюда? Ты отдаешь себе отчет в том, какие неприятности у него возникнут из-за того, что он тебе помогает?

— За мной не следили, — возразила я.

— Сегодня, — сказала Энди. — А в следующий раз? У тебя есть сила. Ты можешь драться. У меня нет твоих возможностей, но даже я могу драться. Баттерс не может. В каком душе ты станешь мыться, если испачкаешься в его крови?

Я сложила руки на груди и отвела взгляд в сторону. Какая-то часть моего сознания понимала, что она права, но желание ударить ее становилось все сильнее.

— Послушай, Молли, — продолжала Энди, и ее голос смягчился. — Мне известно, что в последнее время тебе приходится нелегко. С того момента, как умер Гарри. И когда появился его призрак. Я знаю, это совсем не весело.

Я молча смотрела на нее. Нелегко и совсем не весело. Можно и так сказать.

— Я хочу, чтобы ты кое-что услышала.

— И что же?

Энди слегка наклонилась вперед, чтобы подчеркнуть свои следующие слова:

— Ты должна это пережить.

На некоторое время в квартире стало очень тихо, но все у меня внутри бушевало. Уродливая часть меня вопила все громче и громче. Я закрыла глаза.

— Люди умирают, Молли, — продолжала Энди. — Они уходят. Но жизнь продолжается. Возможно, Гарри был первым другом, которого ты потеряла, но он не будет последним. Я знаю, тебе больно. Я вижу, ты пытаешься занять его место, что очень непросто. Но это не дает тебе права пользоваться другими людьми. В последнее время *многие* пострадали — возможно, ты не заметила?

Я не заметила? Господи, я готова *убивать*, чтобы

не замечать чужую боль. Не жить рядом с этими людьми. Не слышать их эхо по прошествии часов или дней. Уродливая часть меня, черная сторона моего сердца хотела открыть духовный канал с Энди и *показать* ей вещи, которые мне приходилось переживать постоянно. Пусть *она* поймет, как ей понравится моя жизнь. Вот тогда мы и посмотрим, будет ли она после этого столь же уверена в своей правоте. Конечно, так поступать неправильно, но…

Я глубоко вздохнула. Нет. Гарри однажды мне рассказал, что всегда можно почувствовать момент, когда ты пытаешься рационально обосновать неправильное решение. Как только ты говоришь: «Это будет неправильно, но…» Он советовал отбросить последнее слово в предложении. «Это будет неправильно». Точка.

Поэтому я не стала совершать никаких опрометчивых поступков и не позволила выйти наружу буйству своих чувств.

— Чего ты от меня хотела конкретно? — тихо спросила я.

Энди выдохнула и махнула рукой.

— Просто… вытащи голову из задницы, девочка. Я образец благоразумия, если учесть, что мой любовник дал тебе ключ от своей проклятой

квартиры.

Я моргнула. Вот это да! Мне и в голову не приходило взглянуть под таким углом на поступок Баттерса. Романтические конфликты в последнее время меня совершенно не волновали. Энди ничего не следовало бояться с моей стороны… но она, наверное, не обладала такой чуткостью к чужим эмоциям, чтобы почувствовать это. Я наконец сообразила, что ее беспокоит. Нет, она не ревновала в прямом смысле слова, однако прекрасно понимала, что я молодая женщина, которую многие мужчины находят привлекательной, а Уолдо мужчина.

И она его любила. Я была в этом абсолютно уверена.

— Подумай о нем, — тихо продолжала Энди. — Пожалуйста… попытайся заботиться о нем так, как он заботится о тебе. Заранее предупреждай о своих визитах звонком. Если бы ты пришла к нему, залитая кровью, в следующую субботу, ему бы пришлось выдержать весьма неприятный разговор со своими родителями.

Еще до того как подойти к двери, я почти наверняка почувствовала бы, что в квартире кто-то есть, кроме Баттерса. Но было бессмысленно говорить об этом Энди. Она не виновата в том, что не

понимает, какого рода жизнь я веду, и, конечно, не заслуживает смерти, какое бы мнение ни имел по этому поводу мой внутренний Сидхе.

Я должна принимать решения, пользуясь головой, сказала я себе, потому что сердце мое разбито и ему нельзя доверять.

— Я попытаюсь, — пообещала я.

— Хорошо, — кивнула Энди.

На секунду пальцы моей правой руки дрогнули, и я почувствовала, как моя уродливая часть требует ударить силой в эту женщину, ослепить и оглушить ее, вызвать головокружение. Леа показала мне, что нужно делать. Однако я подавила желание атаковать.

— Энди, — сказала я вместо этого.

— Да?

— Не наноси мне ударов, если не собираешься меня убить.

Я не хотела ей угрожать. Просто я реагирую инстинктивно, когда против меня применяют насилие. Теперь душевные завихрения, возникающие при подобных конфликтах, не заставляют меня падать и кричать от боли. И если Энди ударит меня еще раз… я не могу предсказать, какой будет моя реакция.

Нет, я не Болванщик. Тут я вполне уверена.

Но курс выживания под руководством тетушки Леа учит защищать себя, а не играть с другими в игры.

Угроза или нет, но Энди не в первый раз вступала в конфликт и не собиралась идти на попятную.

— Если бы я не считала, что тебе необходима хорошая пощечина, то я бы ее тебе не отвесила.

Уолдо и Жюстина вышли купить что-нибудь на обед и вернулись через десять минут. Мы приступили к трапезе, и я рассказала, что мне удалось выяснить.

— Свартальвхейм, — выдохнула Жюстина. — Это… плохо.

— Парни с севера? — уточнил Баттерс.

Продолжая поглощать курицу с апельсинами, я поделилась с ними тем, что поведала мне Леа-нансидхе. Когда я закончила, все долго молчали.

— Значит… — первой заговорила Энди, — план состоит в том, чтобы потрахаться для его освобождения?

Я бросила на нее мрачный взгляд.

— Я просто спросила, — кротко сказала Энди.

— Они не согласятся, — напряженно сказала Жюстина. — Не сегодня.

Я повернулась к ней.

— Почему?

— Сегодня они вступили в альянс, — ответила Жюстин. — И будет праздник. Приглашена Лара.

— Какой альянс? — спросила я.

— Пакт о ненападении, — сказала Жюстин. — С «Фомором».

Я почувствовала, как мои глаза широко распахиваются от изумления.

Ситуация с «Фомором» постоянно ухудшалась. Чикаго и без того был не самым приятным для жизни городом в мире, а теперь его улицы стали настоящим кошмаром для всех, кто наделен даже скромненькими магическими способностями. Сейчас я не имела доступа к той информации, которой обладала, когда работала с Гарри и Белым Советом, но до меня доходили слухи через Паранет и другие источники. «Фомор» представлял собой нечто вроде сборной звезд из числа плохих парней, отщепенцев и злодеев, которых очень давно изгнали из дюжины разных пантеонов. Они объединились под знаменем существ, называющих себя фоморами, которые довольно долго прятались в тени — в течение тысяч лет.

А теперь они начали действовать, и даже такая могущественная раса, как свартальвы, заявила о своем нейтралитете.

Но я не *настолько* чародей, чтобы с ними связываться.

— Должно быть, Лара по какой-то причине послала туда Томаса, — сказала Жюстина. — Возможно, добыть информацию и постараться помешать заключению соглашения. Я не знаю истинной причины. Но даже обычное незаконное проникновение достаточно плохой поступок. Если же его поймали как шпиона…

— Тогда они устроят нечто показательное, — тихо сказала я. — Для примера.

— Неужели Белая Коллегия не может его вызволить? — спросил Уолдо.

— Если Белая Коллегия попытается вернуть оттуда кого-то из своих, тем самым она признает, что отправила агента в Свартальвхейм, — ответила я. — Лара не может это сделать без серьезных последствий. Она будет отрицать, что вторжение Томаса имеет к ней какое-либо отношение.

Жюстина встала и принялась нервно расхаживать по комнате.

— Нам нужно идти. Необходимо что-то предпринять. Я готова заплатить их цену; я готова заплатить ее десять раз. Мы должны что-то *сделать*!

Я съела еще несколько кусочков куриного мяса,

нахмурилась и погрузилась в размышления.

— Молли! — сказала Жюстина.

Я посмотрела на курицу. Мне нравилось, как оранжевый соус контрастировал с зеленью брокколи и мягкими белыми контурами риса. Эти три цвета хорошо дополняли друг друга. Красивое зрелище.

— Они любят красоту и мечтают о ней, как дракон мечтает о золоте, — пробормотала я.

Казалось, Баттерс понял, что у меня появилась какая-то идея. Он откинулся на спинку стула и принялся поедать лапшу, уверенно работая палочками. Уолдо делал это легко и естественно, ему даже не требовалось смотреть вниз.

Энди сообразила чуть позднее и, сомневаясь, склонила голову набок.

— Молли? — спросила она.

— Сегодня у них прием, — сказала я. — Я правильно поняла, что сегодня у них прием, Жюстина?

— Да.

Энди нетерпеливо кивнула.

— Что мы будем делать?

— Прошвырнемся по магазинам.

Я вроде как девчонка-сорванец. И не потому, что мне не нравится быть девушкой, а из-за то-

го, что я считаю это классным. Мне нравится проводить время под открытым небом, заниматься физическим трудом, узнавать новые вещи, читать о них и создавать. Наверное, я так и не научилась быть по-настоящему женщиной. У Энди это получалось лучше, чем у меня. Возможно, дело в том, что мать растила ее не так, как воспитывали меня. В моем доме про косметику вспоминали только перед тем, как сходить в церковь. Считалось, что ею пользуются женщины с полным отсутствием морали.

Я знаю: не все так гладко. У меня возникали проблемы и до того, как я связалась с магией, уж поверьте мне.

Я понятия не имела, как успеть сделать все, что необходимо, вовремя и попасть на прием, но как только объяснила, что нам нужно, то обнаружила, что когда приходит время быть девушкой-девушкой, Жюстине не надо повторять дважды.

Через несколько минут за нами заехал лимузин и увез нас в частный салон, расположенный в Луп, где Жюстина продемонстрировала кредитную карту, и нами немедленно занялись два десятка служащих — продавцы, парикмахеры, мастера макияжа, портные и специалисты по

аксессуарам. Должна заметить, что вся процедура продолжалось немногим больше часа.

На сей раз я не могла оторваться от зеркала. Я пыталась взглянуть объективно на молодую женщину, отражавшуюся в нем, словно это кто-то другой, а не та, что помогла убить человека, которого любила, а потом еще раз его подвела, оказавшись не в состоянии помешать уничтожению его призрака, продолжавшего защищать других. Мерзкая сучка заслуживала, чтобы ее переехал трамвай или еще что-то в этом роде.

Девушка в зеркале была высокой, с натуральными светлыми волосами, собранными на затылке и скрепленными блестящими черными палочками, стройной, пожалуй, даже чересчур, но развитые мышцы мешали принять ее за наркоманку. Маленькое черное платье сидело на ней так, что я не сомневалась — мужчины будут поворачивать головы и вытягивать шеи, чтобы взглянуть на нее. Она казалась немного усталой, даже с учетом профессионально наложенного макияжа, но очень хорошенькой — если вы ее не знали или если не вглядывались слишком внимательно в ее голубые глаза.

За нами заехал белый лимузин, и я сумела в него забраться, не потеряв равновесия.

— О Господи, — сказала Энди, когда мы сели в машину. Рыжая красотка вытянула ноги и принялась их разглядывать. — Потрясающие туфли! Если понадобится превратиться в волчицу, чтобы кого-то сожрать, я не переживу того, что мне придется с ними расстаться.

Жюстина улыбнулась и стала смотреть в окно. На ее прелестном лице появилось отстраненное и встревоженное выражение.

— Это всего лишь туфли.

— Туфли, из-за которых мои ноги и зад выглядят потрясающе! — заявила Энди.

— Туфли, от которых болят ноги, — возразила я.

Моя раненая нога зажила, но шпильки оказались настоящей пыткой, и боль поднималась от икры к бедру. Не хватало еще судорог, от которых я рухну на землю, как это случалось, когда я начинала ходить после ранения. Туфли с такими высокими каблуками должны продаваться вместе со страховкой. Или с парашютом.

Мы все были одеты одинаково — стильные маленькие черные платья, бархотки с декоративными пряжками и черные туфли на невероятно высоких каблуках. Оставалось лишь надеяться, что нам не придется много ходить. Наряд каж-

дой дополняла итальянская кожаная сумочка. В свою я сложила большую часть магического снаряжения. Должна сказать, что наши прически не слишком отличались друг от друга. А еще я подумала, что некоторым копиям портретов эпохи Ренессанса не уделяли столько внимания, сколько нашим лицам.

— Нужна практика, чтобы привыкнуть к шпилькам, — сказала Жюстина. — Ты уверена, что у нас получится?

— Конечно, — спокойно ответила я. — Ты ведь бывала в клубах, Жюстина. Мы втроем сможем попасть в любое место в городе. Вместе мы производим ошеломляющее впечатление.

— Как девушки Роберта Палмера, — сухо сказала Энди.

— Я предпочитаю Ангелов Чарли, — сказала я. — Кстати, — я открыла сумочку и вытащила кристалл кварца размером с большой палец, — Босли, ты меня слышишь?

Через секунду кристалл завибрировал, и до нас донесся слабый голос Уолдо.

— Громко и четко, Ангелы. Как ты думаешь, эта штука будет работать после того, как вы туда войдете?

— Тут все зависит от того, насколько сильна

у них паранойя, — ответила я. — Если так себе, тогда у них имеется защита от любой магической связи. А если паранойя у них абсолютная, всеобъемлющая и кровожадная, они позволят нам переговариваться, чтобы иметь возможность подслушивать, а потом убьют.

— Забавно, — сказал Баттерс. — Ладно, я включу Паранет-чат. Уж не знаю, чего это стоит, но Интернет работает.

— Что тебе удалось узнать? — спросила Энди.

— Они выглядят, как люди, — ответил Уолдо. — В действительности же… ну, тут есть повод для споров, но все сходятся на том, что они похожи на инопланетян.

— Рипли или Розвелл? — спросила я.

— Розвелл. Более или менее. Они могут принимать самые разные обличья во плоти, как вампиры Красной Коллегии. Так что имейте в виду, они будут замаскированы.

— Я поняла, — ответила я. — Что-нибудь еще?

— Совсем немного, — сказал Уолдо. — Очень трудно выловить что-то определенное среди множества мифов. Возможно, у них аллергия на соль. Возможно, они страдают от навязчивых неврозов и могут слететь с катушек, если ты вывернешь свою одежду наизнанку. Или обращаются в ка-

мень на солнечном свете.

— Стоило попытаться! — прорычала я. — Продолжай дискуссию, а я свяжусь с тобой, как только смогу.

— Понял, — сказал Уолдо. — Только что появилась Марси. Я захватил с собой лэптоп, мы подождем тебя с восточной стороны здания, когда вы будете готовы. Как ты выглядишь, красотка Энди?

— Потрясающе, — уверенно ответила Энди. — Подол моего платья примерно на дюйм длиннее, чем у шлюховатых нимфоманок.

— Пусть кто-нибудь сфотографирует, — весело попросил Уолдо, но я услышала тревогу в его голосе. — До скорой встречи.

— Не рискуй, — сказала я. — До встречи.

Я убрала кристалл и попыталась игнорировать бабочек, порхавших у меня в животе.

— Ничего не получится, — пробормотала Жюстина.

— Нет, все получится, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. — Мы туда пройдем. И да пребудут с нами Буфера.

Жюстина изогнула бровь.

— Буфера?

— Буфера — не просто сиськи, Жюстина, —

очень серьезно сообщила я ей. — Это *живая* энергия, которую создают все *живые* сиськи. Она окружает нас, пронизывает, связывает галактику воедино.

Энди захихикала.

— Ты безумна.

— Но вполне функциональна, — заявила я и провела руками по своему телу. — Просто отключи сознание и действуй в соответствии с инстинктами.

Секунду Жюстина бессмысленно таращилась на меня, потом ее лицо просветлело, и она тихонько рассмеялась.

— Да пребудут с нами Буфера!

Я не смогла сдержать улыбки.

— Во веки веков.

Наш лимузин присоединился к очереди таких же автомобилей, высаживавших гостей перед входом в крепость свартальвов. Слуга распахнул дверцу, я выставила ноги и постаралась выбраться из машины так, чтобы не смутить всех, кто смотрел в мою сторону. Энди и Жюстина последовали за мной, когда я уверенно зашагала к входной двери. Наши каблуки стучали почти в унисон, и я вдруг почувствовала, что на нас направлены все взгляды. На меня накатили облака

мыслей и эмоций — главным образом удовольствие, смешанное с желанием, неприкрытой похотью, тревогой и удивлением. Чужие чувства теснились у меня в голове, причиняя боль, но без этого было не обойтись. В данный момент я не ощущала прямой враждебности или жажды насилия, но мгновенное предупреждение об опасности могло спасти наши жизни.

Охранник пристально смотрел на нас, когда мы подходили, и я почувствовала исходящее от него желание. Однако он постарался сохранять невозмутимость.

— Добрый вечер, леди, — сказал он. — Могу я увидеть ваши приглашения?

Я изогнула бровь и одарила его улыбкой — надеясь, что она получилась обольстительной, — и попыталась еще сильнее изогнуть спину. Использование Буферов выручало неоднократно.

— Вам нет нужды смотреть на наши приглашения.

— Ну, — начал он, — мисс… и все же.

Энди встала рядом со мной и улыбнулась, точно очень сексуальный котенок, на мгновение я даже ее возненавидела.

— Они вам не нужны, — сказала она.

— Все равно, — повторил он.

Жюстина встала рядом со мной с другой стороны. Она выглядела скорее милой, чем сексуальной, но лишь едва.

— Я уверена, что это какая-то накладка, сэр. Не могли бы вы пригласить вашего менеджера?

Охранник долго смотрел на нас, явно охваченный сомнениями. Наконец его рука медленно потянулась к рации, висевшей на боку, и он поднес ее к губам. Почти сразу же из глубины дома к нам вышел хрупкий невысокий мужчина в шелковом костюме. Он остановился и уставился на нас долгим взглядом.

Интерес, который испытывал охранник, был самым обычным. Всего лишь искра, инстинктивная реакция мужчины на сексуальных женщин.

Но то, что исходило от мужчины в шелковом костюме, больше походило на костер. Он горел в тысячу раз ярче и сильнее, и он горел *постоянно.* Я и раньше чувствовала в других желание и страсть. Но сейчас это было много глубже, чем обычная похоть, и я не находила подходящих слов. Наверное… огромная, нечеловеческая тоска, смешанная с яростной и ревнивой любовью, приправленная сексуальной привлекательностью и желанием. Казалось, я стою рядом с крошечным солнцем, и тут только я поняла, что хотела ска-

зать мне тетушка Леа.

Огонь горяч. Вода мокрая. А свартальвы падки на хорошеньких девушек. И они не могут изменить свою природу, как не могут повлиять на направление движения звезд.

— Леди, — сказал худой мужчина в шелковом костюме, улыбаясь нам. У него была очаровательная улыбка, но что-то в лице вызывало тревогу и беспокойство. — Пожалуйста, подождите немного, я предупрежу остальной персонал. Мы сочтем за честь, если вы к нам присоединитесь.

Он повернулся и ушел в дом.

Жюстина искоса посмотрела на меня.

— Буфера оказывают огромное влияние на слабых духом, — сказала я.

— Я бы чувствовала себя лучше, если бы он не ушел со словами Дарта Вейдера, — выдохнула Энди. — И от него странно пахнет. Он?..

— Да, — прошептала я в ответ. — Один из них.

Мужчина в шелковом костюме вернулся, продолжая улыбаться, и распахнул перед нами дверь.

— Леди, — сказал он. — Меня зовут мистер Этри. Пожалуйста, заходите.

Никогда прежде мне не доводилось видеть такой ослепительно роскошной обстановки, как

в крепости свартальвов. Ни в журналах, ни в фильмах, ни даже в «Крибс».

Тонны гранита и мрамора, целые секции, инкрустированные драгоценными и полудрагоценными камнями, осветительная арматура из литого золота и выключатели из слоновой кости. Охранники стояли через каждые двадцать или тридцать футов. Все они вытянулись по стойке «смирно», словно на страже у Букингемского дворца, только без больших шляп. Свет лился отовсюду и ниоткуда, делая тени призрачными, не слишком яркий и не слепящий. В воздухе плыла музыка, что-то очень старое — струнные инструменты, без всяких ударных.

Этри провел нас по нескольким коридорам к бальному залу, похожему на собор. Такой вполне подошел бы дворцу, более того, я не сомневалась, что столь огромное помещение просто не могло *поместиться* внутри здания, в которое мы только что вошли. Зал был полон очень важных людей в дорогой одежде.

Мы помедлили у входа, когда Этри остановился поговорить с еще одним охранником, и я воспользовалась моментом, чтобы оглядеть зал. Нельзя сказать, что он был переполнен, но людей здесь собралось множество. Я увидела пару зна-

менитостей, чьи имена у всех на слуху, а также несколько Сидхе, но их внушающее благоговение физическое совершенство было приглушено до экзотической красоты. Среди гостей я заметила джентльмена Джона Марконе, главу чикагского подразделения, его гориллу Хендрикса и личную боевую ведьму Гард, не отходивших от него ни на шаг. В бальном зале собралось немало людей, которые на самом деле людьми не являлись, и я ощущала в воздухе вокруг них чувственные потоки, словно их отделял от меня тонкий полог падающей воды.

Но я нигде не видела Томаса.

— Молли, — едва слышно прошептала Жюстина. — А он?..

Следящее заклинание на моих губах все еще работало, и легкое покалывание свидетельствовало о том, что Томас находится где-то рядом, в глубине здания.

— Он жив, — ответила я. — И он здесь.

Жюстина вздрогнула, глубоко вздохнула, медленно моргнула, и на ее лице застыла маска. Однако я ощутила смесь исходящих от нее облегчения и ужаса, ее затопила волна эмоций, обычно заставляющая кричать или вступить в схватку. Тем не менее она сдержалась, и я отвела

от нее взгляд, чтобы сделать вид, что ничего не заметила.

В центре бального зала находилась небольшая каменная платформа со ступенями, которые позволяли на нее подняться. На платформе установили подиум из такого же материала. А на нем лежали толстая стопка бумаг и аккуратный ряд авторучек. Все это свидетельствовало о серьезности и торжественности момента.

Жюстина смотрела в том же направлении.

— Должно быть, это оно.

— Соглашение?

Она кивнула.

— Свартальвы весьма методичны, когда дело доходит до бизнеса. Они заключат договор ровно в полночь. Они всегда так поступают.

Энди задумчиво постучала пальцами по бедру.

— А что, если что-то случится с самим договором? Если кто-то зальет его вином или еще чем-нибудь? Могу спорить, это привлечет всеобщее внимание и даст возможность двоим из нас проскользнуть дальше.

Я покачала головой:

— Нет. Мы здесь гости. Ты понимаешь?

— Не совсем.

— Свартальвы принадлежат к старой школе, —

сказала я. — К *настоящей* старой школе. Если мы нарушим мир, когда они пригласили нас на свою территорию, мы тем самым нивелируем наши права гостей и покажем неуважение к хозяевам — открыто, в присутствии других кланов. И тогда их реакция будет… плохой.

Энди нахмурилась.

— Каким же будет наш следующий ход? — спросила она.

Почему мне постоянно задают этот вопрос? Неужели такова судьба всех чародеев? Я и сама сотни раз обращалась с ним к Гарри, не понимая, как тяжело его слышать, когда он обращен к тебе. Впрочем, Гарри всегда знал ответ. Мне же ничего не оставалось, как отчаянно импровизировать и надеяться на лучшее.

— Жюстина, ты знаешь кого-нибудь из гостей? — спросила я.

Как личный ассистент Лары Рейт, Жюстина входила в контакт с множеством людей и не вполне людей. У Лары были самые разнообразные интересы, мне даже шутить об этом не хотелось, и Жюстина видела, слышала и знала гораздо больше, чем многие думали. Девушка с седыми волосами оглядывала зал, а ее темные глаза фиксировали одно лицо за другим.

— Нескольких, — наконец ответила она.

— Я хочу, чтобы ты пообщалась с ними и постаралась выяснить, что происходит, — сказала я. — Будь внимательна. Если за нами пошлют крутых парней, предупреди нас через кристалл.

— Хорошо, и не рискуйте без нужды, — сказала Жюстина.

Вернулся Этри и снова нам улыбнулся, но его глаза, как и раньше, ничего не выражали. Он сделал едва заметный жест, к нам тут же приблизился мужчина в смокинге и с подносом в руках и предложил выпить. Мы все, в том числе Этри, взяли бокалы. Он поднял свой и сказал:

— Леди, добро пожаловать. За красоту.

— За красоту, — подхватили мы и выпили.

Я чуть коснулась губами шампанского в бокале, хотя оно оказалось очень хорошим. Оно шипело, и я едва ощущала вкус алкоголя. Яд меня не беспокоил. Этри позволил нам выбрать бокалы и взял свой лишь после этого.

Меня гораздо больше тревожило то, что я задумалась о возможном отравлении и внимательно наблюдала за действиями Этри, когда тот предложил нам шампанское. Наверное, всему виной паранойя? В свое время мне это казалось разумным.

Возможно, со мной все обстоит гораздо хуже, чем я думала.

— Пожалуйста, наслаждайтесь приемом, — сказал Этри. — Боюсь, я должен настоять на том, чтобы станцевать по одному танцу с каждой из вас, мои прелестные юные леди, когда мне позволят время и долг. Кто из вас будет первой?

Жюстина ослепительно улыбнулась и шагнула к нему. Если вы заломите мне руку, я признаюсь, что Жюстина была самой хорошенькой из нас, и Этри явно с этим согласился. На мгновение в его глазах появилась теплота, затем он взял Жюстину под локоток и повел к центру зала. Вскоре они исчезли в движущейся толпе.

— У меня плохо получаются эти бальные штучки, — сказала Энди. — Они слишком слабо трясут задницами. Делаем следующий ход?

— Да, пора, — сказала я. — Пойдем.

Я повернулась в направлении, на которое указывало покалывание на моих губах, и мы двинулись к дверям в боковой стене, ведущим в глубины здания. Охранников здесь не было, но по мере того как мы приближались к выходу из зала, Энди начала замедлять шаг, потом посмотрела туда, где стоял стол с закусками, и я увидела, что она поворачивает к нему.

Я схватила ее за руку.

— Постой, ты куда собралась?

— Хм-м! — Она нахмурилась. — Туда?

Я направила свои ощущения вперед и уловила вокруг дверного проема легкое плетение магии, похожее на тонкую паутину, нечто вроде вуали, предназначенной для того, чтобы отвлекать внимание тех, кто подходит слишком близко, и направлять их в другую сторону. Вуаль делала стол с закусками чрезвычайно привлекательным. А если бы Энди заметила какого-нибудь мужчину, он бы показался ей гораздо более симпатичным, чем на самом деле.

В течение года могущественная волшебница фейри окружала меня всевозможными вуалями и чарами, помогая построить магическую защиту, а несколько месяцев назад я провела двенадцать раундов на ринге для экстрасенсов с некромантом, чемпионом в тяжелом весе. Я даже не обратила внимания на легкое заклинание, отразившееся от моей магической защиты.

— Это чары, — сказала я Энди. — Не позволяй им на тебя воздействовать.

— Что? — удивилась она. — Я ничего не чувствую. Просто я проголодалась.

— Ты ничего и не должна чувствовать, — сказа-

ла я. — Так работают чары. Возьми меня за руку и закрой глаза. Верь мне.

— Хотела бы я получать пятицентовик всякий раз, когда плохой вечер начинался с таких слов, — пробормотала она.

Однако Энди взяла меня за руку и закрыла глаза.

Я повела ее к двери и почувствовала, как Энди напрягается все сильнее по мере нашего приближения к ней, но как только мы прошли в проем, она шумно выдохнула и открыла глаза.

— Вау. Такое впечатление… вроде ничего и не было.

— Этим и отличаются качественные чары, — сказала я. — Если ты не знаешь, что с тобой происходит, то и сопротивляться не в силах.

Мы оказались в коридоре, каких полно в любом офисном здании. Я попыталась открыть ближайшую дверь, но она оказалась запертой. Как и две следующих, но дальше я обнаружила пустую комнату для совещаний и проскользнула внутрь.

Вытащив из сумочки кристалл, я спросила:

— Босли, ты меня слышишь?

— Четко и ясно, Ангел, — послышался голос Уолдо.

Никто из нас не пользовался своими настоящи-

ми именами. Скорее всего кристаллы безопасны, но год, проведенный рядом с Леа и ее ежедневными фокусами, научил меня не делать поспешных выводов.

— Тебе удалось найти план здания?

— Примерно девяносто секунд назад. Владельцы здания сделали три копии для города, включая электронные, на одну из которых я сейчас смотрю благодаря Интернету.

— Умники постарались, — сказала я.

— Люди, у которых вы в гостях, все делают очень тщательно, Ангелы. Будьте осторожны.

— А когда я была не осторожна? — осведомилась я.

Энди стояла на страже у стены возле двери, чтобы иметь возможность схватить всякого, кто в нее войдет.

— Серьезно?

Я не смогла сдержать улыбку.

— Я полагаю, наша потерянная овечка находится в том крыле здания, что расположено к западу от главного зала. Что там на плане?

— Хм-м… офисы, такое создается впечатление. На втором этаже еще офисы. Третий этаж — снова офи… ну ничего себе.

— Что?

— Хранилище, — сказал Уолдо. — Армированная сталь. Огромное.

— Ха, — сказала я. — Хранилище из армированной стали? Ставлю двадцать долларов, что это тюрьма. Мы отправляемся туда.

— Так или иначе, но это в подвале. В конце коридора, отходящего от бального зала, должна быть лестница, ведущая вниз.

— Бинго, — сказала я. — Оставайся на связи, Босли.

— Не сомневайся. Колесница ждет.

Я убрала кристалл и начала надевать кольца. Закончив с ними, я достала магические жезлы, но сообразила, что не могу одновременно держать по жезлу в каждой руке и сумочку.

— Мне бы следовало взять курьерскую сумку, — пробормотала я.

— С этим платьем? — уточнила Энди. — Ты шутишь?

— Верно. — Я вытащила кристалл и засунула его в декольте, взяла по жезлу в каждую руку и кивнула Энди.

— Хранилище или тюрьма, но там должны быть охранники. Я сделаю так, чтобы они нас не заметили, но мы должны двигаться быстро.

Энди посмотрела на свои туфли и горестно

вздохнула. Затем она сняла их, а за ними стянула маленькое черное платье. Оказалось, что под него она ничего не надела. Энди на секунду закрыла глаза, и через мгновение ее тело начало терять прежние очертания и расплываться. Оборотни не проходят болезненных драматических превращений — ну, если только в самом начале, так мне рассказывали. Все выглядело естественно, как если бы живое существо сделало оборот вокруг себя и село. Только что здесь была Энди, но уже в следующее мгновение на ее месте появился красновато-коричневый волк.

Невероятно классная магия! Нужно будет обязательно выяснить, как она работает.

— И постарайся без необходимости не проливать кровь, — сказала я, сбрасывая пыточные туфли. — Я же постараюсь сделать все быстро и безболезненно. Ну а если дойдет до схватки, никого нельзя убивать, свартальвам такое не понравится.

Энди зевнула.

— Готова? — спросила я.

Энди резко качнула волчьей головой. Я сотворила заклинание своей самой надежной вуали, свет вокруг нас заметно потускнел, а цвета и вовсе исчезли. Нас теперь было почти невозможно

увидеть. И всякий, кто окажется в пятидесяти или шестидесяти футах, вдруг захочет погрузиться в размышления и усомнится в правильности сделанного им жизненного выбора, в общем, у него не будет никаких шансов нас заметить, если мы не станем шуметь.

Мы с Энди вышли в коридор, отыскали лестницу, о которой рассказал Уолдо, и я осторожно открыла ведущую туда дверь, но не пошла первой. Едва ли можно найти лучшего проводника, чем оборотень, а я за прошедший год достаточно часто работала с Энди и ее друзьями, чтобы привыкнуть к подобным маневрам.

Энди вошла первой, двигаясь совершенно бесшумно и навострив уши. Ее нос слегка подрагивал. Волки обладают поразительным нюхом. И слухом. Если кто-то окажется рядом, Энди это сразу почувствует. Выждав с четверть минуты, она уселась на пол, подавая мне сигнал, что все в порядке. Я опустилась рядом и направила вперед свое восприятие, чтобы проверить, нет ли впереди магических сторожей. Так и есть, я обнаружила полдюжины только на первом пролете лестницы — самые простые штуки наподобие натянутой вдоль ступенек проволоки.

К счастью, тетушка Леа научила меня справ-

ляться с подобными ловушками. Я напрягла волю, модифицировала нашу вуаль, затем кивнула Энди, и мы стали медленно спускаться по ступенькам. Нам удалось пройти сквозь невидимые магические поля, не потревожив их, и мы двинулись дальше, направляясь к двери.

Я проверила и обнаружила, что дверь не заперта.

— Как-то все слишком просто, — пробормотала я. — Тебе не кажется, что тюрьма должна иметь запоры?

Энди тихонько зарычала в ответ, и я почувствовала исходящее от нее согласие и подозрение.

Теперь мои губы покалывало значительно сильнее, значит, Томас находился где-то совсем рядом.

— Похоже, выбора у нас нет.

Очень медленно и осторожно я приоткрыла дверь.

Вопреки моим ожиданиям я не увидела обычного подземелья. Или хранилища. Мы с Энди оказались в начале длинного коридора, такого же роскошного, как те, которые мы видели, когда вошли в дом. По обеим сторонам коридора я разглядела большие изукрашенные двери, расположенные довольно далеко друг от друга, с

простым номером из чистого серебра на каждой. Редкие тусклые лампы создавали уютный приятный полумрак.

Низкое рычание Энди превратилось в странный высокий звук, и она склонила голову набок.

— Да, похоже… на отель, — с некоторым недоумением ответила я. — Здесь даже есть знак, указывающий направление к пожарному выходу.

Энди слегка покачала головой, и я ощутила ее эмоции, которые прекрасно поняла — *что за дьявольщина?*

— Да, — сказала я. — Неужели… здесь живут свартальвы? Или это гостевые номера?

Энди посмотрела на меня и передернула ушами: *Зачем ты задаешь вопросы? Я ведь не могу говорить.*

— Я знаю. Просто думаю вслух.

Энди снова слегка дернула ушами и бросила на меня косой взгляд.

Ты меня слышишь?

— Не столько слышу… сколько понимаю.

Она слегка отстранилась от меня.

И это в тот момент, когда я решила, что все про тебя знаю.

Я одарила ее злобной усмешкой и сделала

страшные глаза — так я поступала, когда хотела напугать моих младших братьев и сестер.

Энди фыркнула и принялась нюхать воздух. Я внимательно за ней наблюдала. Щетина у нее на загривке встала дыбом, и я увидела, что она присела.

Там что-то есть. Слишком много запахов, чтобы разобрать. Нечто знакомое, но нехорошее.

— Томас совсем близко, — сказала я. — Пойдем.

Мы двинулись вперед, я держала лицо так, чтобы не упустить следящее заклинание, ощутила, что покалывание на губах указывает направо, мы подошли к комнате номер шесть, и покалывание переместилось в уголок рта, пока я не повернула голову к двери.

— Он здесь, в шестом.

Энди посмотрела вдоль коридора, и в ее глазах появилась тревога. Она постоянно шевелила ушами.

Мне это не нравится.

— Слишком легко, — прошептала я. — Совсем легко.

Я потянулась к ручке двери и замерла. Мой разум подсказывал, что все пошло не так. Как и мои инстинкты. Если Томас пленник, которого захватили свартальвы, тогда здесь должны быть

замки, решетки, цепи и охранники. А если его не держат против воли… тогда что он здесь *делает*?

Когда оказываешься в положении, которое не имеет никакого смысла, причина почти всегда одна: ты обладаешь неверной информацией. Получить ее можно самыми разными способами. Иногда причина в том, что ты ошибся. Но гораздо чаще — и опаснее — такое случается, когда ты делаешь неправильное предположение.

Но хуже всего, если кто-то сознательно ввел тебя в заблуждение, а ты, как настоящая лохушка, поверила и действуешь без колебаний.

— Тетушка, — выдохнула я. — Она меня *обманула.*

Леа послала меня в крепость свартальвов не для того, чтобы я освободила Томаса — ну, скажем, не только. И, конечно, она не случайно научила меня обходить магическую защиту свартальвов. Я оказалась здесь именно сегодня вечером совсем по другой причине. Я мысленно повторила наш разговор и выругалась. Нет, Леа ни разу мне не солгала, но представила все так, чтобы я пришла к ложному выводу — Томаса следует спасти, и только я могу ему помочь. Я не знала, зачем Леанансидхе понадобилось мое присутствие в крепости, но она позаботилась о том, чтобы я

сюда пробралась.

— Двуличная предательская *сука*. Когда я до нее доберусь…

Энди внезапно тихонько зарычала, и я моментально заткнулась.

Дверь наверху распахнулась, и я увидела ублюдка Слухача и компанию парней в свитерах. Все они зашагали по коридору к нам.

Слухач был худощавым спортивным мужчиной среднего роста, с коротко подстриженными волосами, бледной кожей и умными черными глазами, в которых читалась жестокость. Я и оборотни с полдюжины раз пытались с ним покончить, но он неизменно умудрялся либо сбежать, либо поменяться с нами ролями — и тогда уже нам приходилось спасать свои жизни.

Злобные плохие парни достаточно опасны. Злобные, изобретательные, безжалостные, профессиональные, умные *плохие* парни много хуже. Слухач был из последних, и я ненавидела его скользкую душонку.

Он и его приспешники были одеты в стандартную форму лакеев «Фомора»: черные брюки, черные туфли и черные свитера с высоким воротом. Высокий ворот закрывал жабры, расположенные с двух сторон на шеях, чтобы они

могли сойти за смертных. Однако они не были смертными, по крайней мере с некоторых пор. «Фомор» их изменил, сделал сильнее, быстрее и практически нечувствительными к боли. До сих пор мне ни разу не удавалось устроить им удачную западню, а теперь один из них сам шел в мои руки. Мне ужасно хотелось отомстить за кровь, которую я сегодня смывала со своего тела.

Но у приспешников «Фомора» очень необычный разум, и с каждым днем он становится все более странным. Проникнуть к ним в голову так, как требовалось мне, чертовски трудно, и я понимала, что если моя первая атака потерпит поражение, то в таком замкнутом пространстве они разорвут нас с Энди на части.

Поэтому я стиснула зубы, положила руку на загривок Энди и слегка его сжала, потом опустилась на корточки рядом с ней и полностью сосредоточилась на вуали. Пора заканчивать с самоанализом: Слухач едва не прикончил меня несколько месяцев назад, когда заметил похожие чары, повлиявшие на его разум. Это было очень страшно, но с тех пор я постаралась усовершенствовать заклинание. Закрыв глаза, я соткала легчайшую и тончайшую паутину принуждения, на которую только была способна, одновременно

сделав окружавшую нас вуаль еще более плотной. Свет в коридоре почти погас, и воздух стал заметно холоднее.

Они подошли ближе, очевидно, Слухач был у них главарем. Он шагал быстро и уверенно. Сукин сын прошел в двух футах от меня, я могла бы протянуть руку и коснуться его тела.

Никто из них не остановился.

Миновав нас, они подошли к комнате номер восемь, Слухач вытащил и вставил в замок ключ. Когда он открыл дверь, его дружки начали входить внутрь.

Такую возможность я не могла упустить. Несмотря на ужас, который «Фомор» принес в мир после уничтожения Красной Коллегии, мы до сих пор не знаем, зачем они это сделали. Мы не понимали, чего они хотят и как их нынешние действия помогут им реализовать свои желания.

Так что я начала двигаться бесшумно, как меня научили за последний год, и присоединилась к приспешникам «Фомора», входившим внутрь. После секундной паузы Энди оказалась рядом, и мы едва успели проскользнуть за ними, прежде чем дверь захлопнулась.

Никто не обернулся в нашу сторону, когда мы входили в огромное помещение, больше

напоминающее зал дворца и столь же богато обставленное. Кроме полудюжины Свитеров, сопровождавших Слухача, в зале находилось еще пятеро громил. Все они явно стояли на страже, с прямыми спинами и сложенными за спиной руками.

— Где он? — спросил Слухач у охранника возле двери.

Он был самым крупным из всех, с шеей, похожей на пожарный гидрант.

— Внутри, — ответил охранник.

— Время пришло, — сказал Слухач. — Сообщи ему.

— Он приказал, чтобы его не беспокоили…

Казалось, Слухач задумался.

— Непунктуальность сделает договор недействительным, а нашу миссию невозможной. Сообщи ему.

Охранник нахмурился:

— Но повелитель приказал…

Верхняя часть тела Слухача внезапно пришла в движение, настолько молниеносное, что я сумела уловить лишь сам факт движения. Охранник зашипел и захрипел, а в следующее мгновение кровь фонтаном хлынула из его горла. Он сделал неуверенный шаг, повернулся к Слухачу и

поднял руку.

Затем содрогнулся и упал на пол, кровь потоком лилась из рваной раны у него на шее.

Слухач отбросил кусок мяса размером с бейсбольный мяч и наклонился, чтобы вытереть окровавленные пальцы о свитер мертвеца. На черном фоне кровь не оставила следов. Слухач выпрямился и постучал в дверь.

— Милорд, уже почти полночь.

Через шестьдесят секунд он повторил свои действия.

Ему пришлось еще трижды постучать в дверь, прежде чем послышался невнятный голос:

— Я же приказал, чтобы меня не беспокоили.

— Простите, милорд, но время пришло. Если мы не начнем действовать, все наши усилия окажутся напрасными.

— Не тебе решать, какие приказы можно нарушить, а какие нет. Казните глупца, который потревожил мой сон.

— Это уже сделано, милорд.

Послышалось удовлетворенное ворчание, через мгновение дверь распахнулась, и я впервые увидела одного из повелителей «Фомора», высокое, изможденное существо, но удивительное дело — не казавшееся худым. У него были непро-

порционально большие руки и ноги, а живот выступал вперед, как будто внутри находился баскетбольный мяч. Я отметила распухшие челюсти, словно он болен свинкой, толстые, точно из резины, губы и прилизанные безжизненные волосы, похожие на водоросли, недавно выброшенные на берег. В общем, он больше всего напоминал долговязую ядовитую лягушку. Вся его одежда состояла из наброшенного на плечи одеяла. Фу, гадость!

У него за спиной в комнате лежали три обнаженные женщины, все они были мертвы, у каждой пурпурные синяки на шее и широко раскрытые остекленевшие глаза.

Свитера попадали перед ним на пол, но Слухач лишь преклонил колено.

— Он здесь? — спросил фомор.

— Да, милорд, — сказал Слухач, — с двумя телохранителями.

Фомор хрипло рассмеялся и потер руки со скошенными пальцами.

— Жалкий смертный. Называет себя бароном. Он заплатит за то, что сделал с моим братом.

— Да, милорд.

— Никому, кроме меня, не позволено убивать членов моей семьи.

— Конечно, милорд.

— Принесите раковину.

Слухач поклонился и кивнул трем Свитерам. Они поспешно вышли в другую дверь и вскоре вернулись с устричной раковиной, весившей не менее полутонны и футов семи в поперечнике. Огромную раковину покрывали кораллы или какие-то наросты — нечто похожее появляется на днищах кораблей. Свитера молча положили раковину на пол посреди зала.

Фомор подошел к ней, прикоснулся рукой и произнес одно слово. Поверхность раковины тут же засветились, по ней побежали сполохи, которые складывались в узоры или незнакомые мне буквы. Некоторое время фомор стоял над ней, вытянув вперед руку и прищурив выпуклые глаза, и что-то говорил на свистящем, булькающем языке.

Я не знала, что он делает, но ощутила значительное перемещение энергии. Что-то наполнило воздух в зале, и дышать стало труднее.

— Милорд? — неожиданно заговорил Слухач. — Что вы делаете?

— Подарок для наших новых союзников, естественно, — ответил фомор. — Я не могу уничтожить свартальвов вместе со всеми остальными.

Пока.

— Это не соответствует планам Императрицы.

— Императрица сказала мне, чтобы я не причинял вреда нашим новым союзникам, — презрительно бросил фомор. — Но она ничего не говорила относительно чистки накипи на их празднестве.

— Свартальвы трепетно относятся к вопросам чести, — заявил Слухач. — Вы опозорите их, если кто-то из гостей пострадает в тот момент, когда он находится под их крышей, милорд. И наш союз может оказаться под ударом.

Фомор сплюнул. Комок желтой слизи упал на пол у ног Слухача и зашипел на мраморном полу.

— Как только мы подпишем договор, обратного пути не будет. Мой дар передадут им через мгновение после этого: я пощажу их жалкие жизни. И если остатки накипи обратятся против свартальвов, у них не будет иного выбора, как попросить помощи *у нас*. — Он ухмыльнулся. — Не бойся, Слухач. Я не так глуп, чтобы уничтожить одного из любимчиков Императрицы, даже в результате несчастного случая. Ты и твои приятели уцелеете.

И тут я осознала, что за энергия собиралась в

лежавшей на полу гигантской раковине, и сердце едва не остановилось у меня в груди.

Срань господня!

Лягушачий лорд сделал *бомбу.*

Прямо здесь.

— Моя жизнь принадлежит моим повелителям, и я лишь исполняю приказы, милорд, — сказал Слухач. — У вас есть другие указания?

— Перед уходом заберите у мертвецов драгоценности.

Слухач склонил голову.

— Насколько эффективным будет ваш подарок?

— Ну, то, что я сделал для Красной Коллегии в Конго, получилось вполне себе смертельным, — самодовольно заявил Лягушачий лорд.

Мое сердце забилось еще сильнее. Во время войны с Белым Советом Красная Коллегия применила какой-то нервно-паралитический газ против раненых чародеев, находившихся в больнице. Оружие также уничтожило десятки тысяч людей в городке, который был намного меньше Чикаго.

Мои босые ноги вдруг стали совсем маленькими и холодными.

Лягушачий лорд крякнул и пошевелил пальца-

ми, и в следующий миг бомба-раковина исчезла под вуалью, которая была ничуть не хуже тех, что умела делать я. Фомор опустил руку и улыбнулся:

— Принесите мое одеяние.

Свитера поспешно облачили Лягушачьего лорда в самые безвкусные шмотки во всей истории шмоток. Многоцветные волны расходились по ткани, точно рябь на воде, но каким-то случайным, хаотичным образом. Ткань украшали жемчужины, некоторые размером с большие шарики жвачки. Затем они надели ему на голову нечто похожее на корону, после чего Лягушачий лорд и его свита направились к двери.

Я скорчилась как можно дальше от них, почти под маленьким баром, Энди устроилась рядом со мной. Сейчас я полностью сосредоточилась на вуали. Лягушачий лорд быстро прошел мимо меня, за ним двумя колоннами шагала его свита. Они двигались синхронно, пока последняя пара не остановилась.

Слухач.

Его глаза медленно обвели зал, и он нахмурился.

— Что это? — спросил он у одного из Свитеров. — Ты не чувствуешь никакого запаха?

— Какого именно?

— Духов.

О, проклятие!

Я закрыла глаза и сосредоточилась на внушении тревоги, стараясь действовать очень аккуратно, чтобы Слухач ничего не понял.

Через мгновение Свитер ответил:

— Я никогда не любил духи. Нам не следует отставать от повелителя.

После коротких колебаний Слухач кивнул, повернулся и вышел в дверь.

— Молли! — отчетливо прозвучал голос Жюстины из кристалла, спрятанного в лифе моего платья. — Мисс Гард пару минут назад запаниковала и вывела отсюда Марконе. Охрана мобилизуется.

Иногда я думаю, что вся моя жизнь состоит из таких вот отвратительных моментов.

Слухач мгновенно развернулся, но Энди оказалась быстрее. Она совершила десятифутовый прыжок, всем телом ударила в дверь и захлопнула ее. В одно мгновение она снова превратилась в обнаженную девушку, которая протянула руку и защелкнула замок.

Я вытащила из-под платья кристалл.

— Здесь, в крыле для гостей, находится бомба.

Повторяю: *бомба* в гостевом крыле, в покоях посла фоморов. Найди Этри или любого другого свартальва и расскажи, что фомор планирует убить гостей свартальвов.

— О Господи, — пробормотала Жюстина.

— Проклятие! — эхом отозвался Баттерс.

Что-то тяжелое и быстрое ударило в дверь снаружи, и она содрогнулась, Энди отбросило на несколько дюймов, однако она тут же прижалась к ней плечом.

— Молли!

Возникла еще одна ситуация, когда паника способна тебя убить. И хотя мне хотелось кричать и бегать кругами, я закрыла глаза, сбросила вуаль и сделала медленный глубокий вдох, собираясь с мыслями.

Первое: если Лягушачий лорд и Свитера сумеют сюда ворваться, они нас убьют. В номере восемь уже и так четыре трупа. Почему не добавить еще парочку? И если учитывать все факторы, у них должно получиться. Значит, главная задача — не впускать их, по крайней мере до тех пор, пока свартальвы не наведут порядок.

Второе: бомба. Если эта штука взорвется и в ней окажется такой же нервно-паралитический газ, какой Красная Коллегия использовала в Африке,

погибнут сотни тысяч людей, в том числе Энди, Томас и Жюстина — а также Баттерс и Марси, которые ждут нас в машине. Бомбу нужно обезвредить или перенести в безопасное место. А для этого она должна перестать быть невидимой.

И третье: спасти Томаса. Нельзя забывать о цели нашей миссии, как бы ни усложнились обстоятельства.

На дверь обрушился новый удар.

— Молли! — закричала Энди, и страх сделал ее голос вибрирующим и пронзительным.

— Проклятие! — прорычала я. — Что стал бы делать Гарри?

Будь Гарри здесь, он не дал бы открыться дурацкой двери. Его магические способности были сильными, как у супергероя, и когда возникала необходимость, он мог управлять могучей энергией. Я практически не сомневаюсь, что Гарри сумел бы остановить движущийся локомотив. Или несущийся на него грузовик. Однако мои таланты не предполагали физических воздействий.

Гарри однажды сказал мне, что когда у тебя возникает проблема — то это действительно проблема. Но если есть несколько проблем, то должно быть и несколько решений.

Я встала, взяла в руки магические жезлы и посмотрела на дверь.

— Приготовься, — сказала я.

Энди взглянула на меня.

— К чему?

— Открыть дверь, — сказала я. — А потом захлопнешь ее за мной.

— *Что?*

— Закрой глаза. На счет «три», — сказала я, слегка согнув ноги в коленях. — Один!

Дверь снова задрожала.

— Два!

— Ты сошла с ума? — прорычала Энди.

— Три! — закричала я и побежала к двери, подняв оба жезла.

Энди зажмурилась и распахнула дверь, а я применила заклинание «Рэйв одинокой женщины».

Подчиняясь моей воле, свет и звук сорвались с концов магических жезлов. Свет не походил на луч фонарика, но был подобен маленькому атомному взрыву. А звук вовсе не напоминал крик или маленький взрыв, или даже рев проносящегося мимо поезда. Скорее стрельбу главного калибра крейсера времен Второй мировой — такой мог сбить с ног взрослого мужчину.

Я устремилась вперед, окруженная потоками

света и звука, и выскочила в коридор, где скопились ошеломленные Свитера.

И тут я вступила в игру.

Через несколько минут ошеломленные Свитера вскочили на ноги, хотя они потеряли ориентировку и лихорадочно терли глаза. Чуть дальше по коридору один из них помогал Лягушачьему лорду подняться на ноги. Его волосы были всклокочены, одеяние пришло в беспорядок, уродливое лицо фомора искажала ярость.

— Что здесь происходит, Слухач? — потребовал он ответа.

Фомор орал изо всех сил, видимо, к нему еще не вернулась нормальная способность слышать.

— Милорд, — сказал Слухач, — вероятно, это работа Леди-Оборванки.

— Что? А погромче не можешь, идиот?

Щека Слухача дернулась, и он заорал, повторив свои слова.

Лягушачий лорд зашипел.

— Вот навязчивая сука! — оскалился он. — Сломай дверь и принеси мне ее *сердце*.

— Да, милорд, — сказал Слухач, и Свитера снова сгруппировались возле двери с номером восемь. В следующее мгновение они принялись лупить в нее ногами, по трое сразу, одновременно ударяя

каблуками в дерево. После трех таких ударов стали появляться трещины, после пятого дверь свободно закачалась на петлях.

— Убейте ее! — верещал Лягушачий лорд, направляясь к двери. — *Убейте* ее!

Все, кроме двух Свитеров, бросились в комнату.

Прячась внутри восстановленной вуали, я решила сразу после того, как дверь открылась и они бросились внутрь, что пришла пора рассеять иллюзию. Серебряная цифра восемь, свисавшая с двери, затуманилась и превратилась в серебряную цифру шесть.

Глаза Лягушачьего лорда округлились.

Один из Свитеров вылетел из двери комнаты номер шесть и врезался в стену на противоположной стороне коридора. Он ударился об нее и, как тряпичная кукла, свалился на пол. На треснувшем мраморе остались очертания его тела и частички плоти и кровь.

Из-за сломанной двери появился Томас Рейт, вампир.

— Слухач, верно? Здор***о***во! Твои клоуны опять перепутали номера комнат.

— Мы допустили ошибку, — сказал Слухач.

— Да, так и есть.

Из соседней комнаты послышался треск и звук ударов.

Лягушачий лорд зашипел и повернул раздутую голову на длинной шее.

— Леди-Оборванка, — прошипел он. — Я знаю, что ты здесь.

На сей раз, я не сомневалась, что сделал бы Гарри. Я подняла звуковой жезл и направила свой голос из дальней стороны коридора, находящейся у него за спиной.

— Привет, Лягушенция. Злодейские реплики всегда такие дурацкие, или у тебя проблемы с детства?

— Ты *осмеливаешься* смеяться надо *мной*? — прорычал фомор и метнул вдоль коридора спиральный штопор темно-зеленой энергии, которая оставляла черные отметины на всем, чего касалась.

Когда спираль ударила в дверь, послышался потрескивающий рычащий звук, и зеленый свет распространился по ней, образовав ячейки рыболовной сети.

— А как еще себя вести при встрече с омерзительными уродцами? — сказала я так, что мой голос прозвучал рядом с ним. — Ты и правда убил тех девушек, или они сами с собой покончили,

когда увидели тебя голенького?

Фомор зарычал и ударил по воздуху возле себя. Затем он прищурился и принялся шевелить плоскими пальцами, создавая сложное плетение. Я сразу ощутила исходящую от него энергию и поняла, что он собрался сделать — сорвать мою вуаль. Но я месяцами играла в эту игру с Тетушкой.

А Лягушенция — нет.

По мере того как щупальца его поисковой магии расходились в стороны, я посылала крохотные частицы собственной энергии так, чтобы они лишь слегка касались его плетения, аккуратно уводя их в сторону от собственной вуали. Я не могла допустить своего разоблачения. Во всяком случае, не так. Он долго не раздумывал, и если я и дальше буду его в этом поощрять, то очень возможно, он окажется настолько тупым, что я сумею его обмануть.

Но заставить его уйти я не могла, и когда убедилась, что сдвинула в сторону его плетение, то снова использовала звуковой жезл, на этот раз прямо у него над головой.

— Такие игры не для профанов. Тебе не кажется, что лучше укрыться где-нибудь подальше и предоставить сделать всю работу Слухачу?

Лягушенция поднял голову вверх и прищурился. Потом вскинул руку, прошипел слово, с его пальцев соскочил сноп пламени и ударил в потолок.

Пожарная сигнализация сработала примерно через две секунды, а еще через две с потолка хлынул поток. Но я успела вернуться к двери комнаты номер восемь, когда вода принялась уничтожать мою вуаль. Магия — это энергия, которая следует собственным законам. Один из них состоит в том, что вода разрушает магические конструкции, и моя вуаль начала растворяться, словно состояла из сахарной ваты.

— Ха! — рявкнул фомор, заметив меня.

Я увидела, что он послал в меня голубовато-зеленую молнию, упала на пол лицом вниз, и молния ударила в дверь надо мной. Перевернувшись на спину, я едва успела поставить щит против второй молнии, а потом и третьей. Мои щиты не слишком хороши, но заклинания фомора состояли из чистой энергии, и это облегчало мою задачу. Я отражала удары направо и налево, и от стен начали отлетать куски мрамора величиной с кирпич.

Глаза Лягушенции запылали еще ярче, промахи разъяряли его все сильнее.

— Смертная корова!

Ну ладно. Это уже обидно. Конечно, было мелочно принимать всерьез его оскорбительные слова относительно моей внешности и говорило о недостатке характера, но мерзкое заявление задело меня сильнее, чем попытка убийства.

— *Корова?* — прорычала я, когда вода намочила мой подол. — Да в этом платье я просто ослепительна!

Я бросила один из жезлов и направила в его сторону ладонь, посылая невидимый сгусток чистой памяти, сфокусированный при помощи магии, точно поток света, проходящий через увеличительное стекло. Иногда человек плохо помнит полученные им раны, и у меня остались весьма расплывчатые воспоминания о пуле в ноге. Когда она вошла в мое тело, я не почувствовала особой боли, к тому же в тот момент мне было о чем подумать. Я в основном испытала удивление и онемение — но когда в вертолете санитары начали чистить рану, вот *это* было да! Пули вытащили при помощи хирургических щипцов и промыли рану чем-то, что пекло, словно я попала в ад. Когда же мне наложили повязку, стянув рану, я решила, что за мной пришла смерть.

Именно эти ощущения я и послала Лягушен-

ции, собрав все свои силы.

Он соткал щит, но едва ли ему приходилось обороняться против чего-то столь же неосязаемого, как воспоминания. И хотя падающая вода ослабляла мое восприятие, я почувствовала, что удар миновал его защиту, и Лягушенция испустил внезапный пронзительный вопль. Он пошатнулся и упал, сжимая двумя руками ногу.

— Убейте ее! — заверещал он, и его голос поднялся на две октавы. — Убейте ее, убейте ее, убейте ее!

Оставшаяся в коридоре пара Свитеров бросилась ко мне. На меня накатила волна усталости, но я сумела подняться на ноги, метнулась к двери комнаты номер восемь и принялась колотить в нее кулаком.

— Энди! Энди, это Молли! Энди впусти меня…

Дверь распахнулась, и я ввалилась внутрь. Подобрав под себя ноги, я сжалась в комок, а Энди захлопнула дверь и щелкнула замком.

— Что за дьявольщина, Молли? — спросила мокрая Энди.

Вода с потолка залила все, в том числе и бомбу фомора.

Я встала и подошла к бомбе.

— Я не могла снять вуаль с бомбы с той сторо-

ны, — задыхаясь, сказала я. — У нас нет времени, чтобы развести огонь, а моей собственной энергии не хватало, чтобы сработала пожарная сигнализация. Мне пришлось заставить это сделать за меня Лягушенцию.

Дверь содрогнулась под ударами Свитеров.

— Постарайся их удержать, — сказала я Энди. — Я разряжу бомбу.

— А сможешь ли?

— Да запросто! — солгала я.

— Хорошо, — сказала Энди и поморщилась. — Сегодня от меня всю ночь будет пахнуть мокрой псиной.

Она повернулась к двери, а я протянула руки к гигантской раковине. Отбросив мысли о врагах, пытавшихся ворваться внутрь, я полностью сосредоточилась на бомбе, затем обострила восприятие и попыталась нащупать энергию, движущуюся в ней.

Энергии было *много,* и мощь, заключенная внутри, рвалась наружу. Тонкий слой плетения — магический аналог панели управления — окружал внутреннюю часть раковины. Вода медленно, но верно подтачивала его, но недостаточно быстро, чтобы повредить основное ядро и рассеять энергию. Однако я понимала, что если

буду медлить, вода уничтожит наружное плетение, и тогда уже никто не сможет разрядить бомбу.

Я закрыла глаза и положила руку на раковину, как это делал Лягушенция, почувствовала, что энергия раковины тянется к моим пальцам, готовясь отреагировать, и тогда я начала отдавать свою энергию, пытаясь понять, как устроена бомба. Это было самое обычное заклинание, ничего сложного, но я не знала, как оно работает, — словно у меня в руках оказался дистанционный пульт от телевизора, на котором отсутствовали обозначения кнопок. И я не могла начать нажимать их случайным образом.

С другой стороны, не делать этого я тоже не могла.

Что же, придется сделать обоснованное предположение.

На телевизионном пульте кнопка включения всегда находится немного в стороне от других или, наоборот, в самом центре. Именно такую возможность я и искала — чтобы отключить бомбу. Я начала отбрасывать те части заклинания, которые выглядели слишком сложными или, наоборот, простыми, постепенно сужая возможности выбора. Наконец осталось всего два

варианта. Если я ошибусь…

Я нервно захихикала.

— Послушай, Энди. Синий провод или красный?

Нога Свитера пробила в двери дыру, и Энди повернула голову, чтобы одарить меня недоверчивым взглядом.

— Ты что, окончательно спятила? — закричала она. — Синий, всегда обрезай синий!

Половина двери рухнула под очередным ударом, Энди мгновенно превратилась в волка и разорвала горло первому Свитеру, который сунулся внутрь.

Я вновь сосредоточилась на бомбе и выбрала второй из вариантов. Затем направила на него всю свою волю. Мне пришлось сделать несколько попыток, потому что меня охватил ужас, далеко не всегда помогающий сохранить ясность мысли.

— Послушай, Бог, — прошептала я. — Я знаю, что в последнее время ты нечасто оказывался рядом, но если ты позволишь мне допустить ошибку, то пострадает множество людей. Пожалуйста, позволь мне сделать правильный выбор.

И перерезала синий провод.

Ничего не произошло.

Я ощутила почти парализующее облегчение — и в следующий миг Лягушенция перепрыгнул через Энди, сражавшуюся с двумя Свитерами, и врезался в меня.

Я рухнула на мраморный пол, и Лягушенция оказался на мне верхом, навалившись всем весом. Одной рукой он сдавил мне горло — ему хватило длины пальцев, чтобы они полностью на нем сомкнулись. Фомор был необыкновенно силен, я тут же начала задыхаться, в голове застучало, перед глазами заплясали темные пятна.

— Маленькая сучка! — прошипел он и принялся бить меня свободной рукой.

Удары приходились в левую скулу. Я должна была бы испытывать боль, но мой мозг уже перестал реагировать адекватно. Я ощущала удары, но все остальное исчезало в сгущающемся мраке. Мое сопротивление не прекращалось, но это не помогало. Лягушенция оказался намного сильнее, чем можно было себе представить. Я уже почти ничего не видела, но обнаружила, что смотрю в темный туннель и на одну из мертвых девушек, лежавших на полу в спальне, и вижу темно-пурпурный синяк у нее на шее.

Затем пол в нескольких футах от меня начал пульсировать, а еще через мгновение из него

выскочило необычное серое существо.

Рост свартальва составлял не более четырех футов и шести дюймов, он был полностью обнажен, с серой пятнистой кожей и огромными черными глазами. Я даже успела отметить, что голова у него несколько крупнее, чем у большинства людей, что он лысый, но с густыми серебристо-седыми бровями. Свартальв немного напоминал пришельца из Розвелла и был сложен, как профессиональный боксер, стройный и сильный. В руке он держал простой короткий меч.

— Фомор, — спокойно сказал свартальв, и я узнала голос Этри. — Никому не следует бить леди.

Лягушенция собрался что-то сказать, но меч Этри со свистом опустился вниз и отсек душившую меня руку. Лягушенция взвыл и отвалился, он что-то кричал, пытаясь вызвать силу и улизнуть на трех оставшихся конечностях.

— Ты нарушил права гостя, — спокойно продолжал Этри.

Он сделал короткий жест, мраморный пол под фомором внезапно стал жидким, и Лягушенция провалился на три дюйма, а потом пол затвердел. Фомор взвыл.

— Ты напал на гостя, находящегося под защи-

той Свартальвхейма. — Голос Этри по-прежнему оставался спокойным. Его меч снова описал короткую дугу и отсек нос Лягушенции, тот завыл, а во все стороны полетела слизь. Этри стоял над лежащим фомором и смотрел на него без всякого выражения. — Тебе есть что сказать в свое оправдание?

— Нет! — закричал Лягушенция. — Ты не можешь так поступить! Я не причинил вреда никому из ваших людей!

Я ощутила в Этри вспышку ярости столь обжигающую, что мне показалось, будто падающая на него с потолка вода обращается в пар.

— Не причинил нам вреда? — спокойно переспросил он и посмотрел на раковину, а в следующее мгновение его взгляд, наполненный презрением, снова остановился на Лягушенции. — Ты собирался использовать наш союз как предлог для убийства тысяч невинных людей и сделать нас своими сообщниками. — Он опустился на корточки, и его лицо оказалось в нескольких дюймах от окровавленного лица Лягушенции. — Ты запятнал честь Свартальвхейма.

— Я с вами расплачусь! — забормотал Лягушенция. — Вы получите компенсацию!

— Расплата за твои действия может быть толь-

ко одна, фомор. Переговоры более невозможны.

— Нет, — запротестовал фомор. — Нет. НЕТ!

Этри отвернулся и оглядел комнату. Энди все еще находилась в теле волка. Один из Свитеров истекал кровью на мраморном полу, и рядом с ним образовалась лужа. Другой скорчился в углу, закрывая руками голову, покрытую кровавыми ранами. Энди, тяжело дыша, стояла напротив, ее клыки стали алыми, а из груди вырывалось низкое рычание.

Этри повернулся ко мне и протянул руку. Я поблагодарила его и позволила помочь мне сесть. Горло саднило, сильно болели голова и щека. Это меня убивает, хи-хи-хи. Ну иди сюда.

Знаете, нужно совсем рехнуться, если начинаешь вести внутренний монолог из «Трех Балбесов».

— Я приношу свои извинения за то, что вмешался в вашу схватку, — сказал Этри. — Пожалуйста, не подумайте, что я поступил так из-за того, что сомневался в вашей способности себя защитить.

— Это ваш дом, и ваша честь стояла на кону. — Мой голос сел гораздо сильнее, чем мне бы хотелось. — Вы имели такое право.

Казалось, мой ответ его удовлетворил, и Этри слегка поклонился.

— И я приношу свои извинения за то, что не начал действовать сам. Не вы несли ответственность за поведение этого подонка и не должны были вступать с ним в схватку.

— Да, я поступила немного самонадеянно, — сказала я. — Однако времени оставалось мало.

— Ваш союзник предупредил нас об опасности. Вы не совершили ничего неправомерного. Свартальвхейм благодарит вас за помощь. Мы в долгу перед вами.

Я хотела сказать, что мне ничего не нужно, но вовремя остановила себя. Этри вовсе не обменивался со мной любезностями и не вел дружескую беседу. Шел аудит и расчет. Я лишь наклонила голову.

— Благодарю вас, мистер Этри.

— Не за что, мисс Карпентер.

Свартальвы в форме вместе со смертными охранниками вошли в комнату. Этри приблизился к ним и негромко отдал приказ. Фомора и его приспешников связали и вывели из комнаты.

— Что с ними будет? — спросила я у Этри.

— Мы сделаем из фомора пример, — ответил Этри.

— А что с вашим договором? — спросила я.

— Он не подписан, — сказал Этри. — Главным

образом благодаря вам. И хотя Свартальвхейм не платит долгов по не взятым на себя обязательствам, мы ценим вашу роль в данном деле. И в будущем это учтем.

— Фомор не заслуживает иметь благородного союзника.

— Да, складывается такое впечатление, — согласился Этри.

— Что будет со Свитерами? — спросила я.

— А что конкретно вас интересует?

— Вы с ними… разберетесь?

Этри бросил на меня недоуменный взгляд.

— Вам-то что?

— Ну, они вроде как тоже в этом участвовали.

— Они собственность, — сказал свартальв. — Если человек бьет вас молотком, вы наказываете человека. Нет никакого смысла в уничтожении молотка. Они нас не интересуют.

— А что скажете о них? — спросила я и кивнула в сторону спальни фомора, где лежали мертвые девушки. — То, что с ними случилось, вас тоже не интересует?

Этри посмотрел на тела девушек и вздохнул.

— Красивые вещи не следует уничтожать, — сказал он. — Но они не были нашими гостями. Мы никому не должны за их гибель и не несем за

нее ответственность.

— У вас в заключении находится вампир, верно? — спросила я.

Этри несколько мгновений смотрел на меня.

— Да, — кивнул он.

— У вас долг передо мной. Я хочу, чтобы его освободили.

Этри приподнял бровь, затем слегка поклонился.

— Идемте со мной.

Я последовала за Этри, и мы остановились перед комнатой с номером шесть. Несмотря на то что дверь была сломана, Этри вежливо постучал. Через мгновение раздался женский голос:

— Вы можете войти.

Мы вошли в такую же, как у фомора, комнату, только здесь было полно подушек и обитой плюшем мебели, и царил полнейший беспорядок: на полу валялись обломки мебели, осколки безделушек и изувеченные Свитера. Охранники уже связывали их и выносили из комнаты.

Слухач ушел сам, руки были связаны у него за спиной, один глаз распух и закрылся. Он бросил на меня пристальный взгляд, но ничего не сказал.

Ублюдок.

Этри повернулся к занавешенной двери, ведущей в спальню.

— Мы в долгу перед смертной ученицей, которая нас предупредила. Она попросила об освобождении вампира.

— Невозможно, — ответил женский голос. — Этот счет уже закрыт.

Этри повернулся ко мне и пожал плечами:

— Я сожалею.

— Подождите, — сказала я. — Могу я с ним поговорить?

— Одну минутку.

Мы ждали, и вскоре в двери спальни появился Томас, одетый в черный махровый халат, видимо, он только что принял душ. Томасу не хватало полдюйма до шести футов, и от всего его тела исходил мощный сексуальный призыв. А еще у него были глаза цвета голубого хрусталя и темные волосы до плеч. Мое тело повело себя, как обычно в его присутствии, оно кричало, что пора заводить ребенка. Я проигнорировала эти вопли. Ну, почти.

— Молли, — сказал он. — Ты в порядке?

— Ничего такого, что не сможет исправить ведерко аспирина, — сказала я. — А ты?

Он заморгал.

— Почему со мной должно было что-то случиться?

— Я думала… ты знаешь. Тебя поймали как шпиона.

— Ну, конечно, — ответил он.

— Я решила, они… сделают из тебя пример.

Томас снова заморгал.

— С какой стати?

Дверь спальни открылась, и оттуда вышла женщина-свартальв, очень похожая на Этри — крошечная и красивая, только с длинными серебристыми волосами, а не с бильярдным шаром вместо прически. На ней была рубашка — наверное, она принадлежала Томасу, — которая прикрывала ее до самых щиколоток. Женщина выглядела определенно… довольной собой. За спиной у нее я увидела несколько пар широко раскрытых темных глаз, глядевших на нас из темной спальни.

— Ага, — сказала я. — *Ага*, ты… заключил сделку.

Томас ухмыльнулся:

— Это трудная, грязная работа…

— И он ее еще не закончил, — сказала женщина-свартальв. — Он наш до рассвета.

Томас перевел взгляд с меня на спальню и раз-

вел руки в стороны.

— Ты знаешь, как это бывает, Молли. Долг зовет.

— Ну и что мне сказать Жюстине?

Он снова удивленно посмотрел на меня.

— Правду. Что же еще?

— О, слава Богу, — сказала Жюстина, когда мы выходили из крепости свартальвов. — Я боялась, что они морят его голодом.

Я заморгала.

— Твой дружок трахается с целой командой темных эльфиек, а ты *радуешься*?

Жюстина склонила голову набок и расхохоталась.

— Когда ты влюблена в инкуба, твой взгляд на жизнь немного меняется. Ничего нового не произошло. Я знаю, как он ко мне относится, но его нужно кормить, чтобы он оставался здоровым. Так в чем вред? — Она ухмыльнулась. — К тому же он *всегда* готов продолжить.

— Ты очень странное существо, Жюстина.

Энди фыркнула и дружелюбно толкнула меня плечом. Она успела найти свое платье и туфли, которые ей так нравились.

— Кто бы говорил!

После того, как все благополучно разошлись по

домам, я отправилась от квартиры Уолдо к ближайшей крытой парковке, нашла там темный угол, села и стала ждать. Примерно через два часа воздух замерцал, появилась Леа и устроилась рядом со мной.

— Ты меня обманула, — сказала я. — Послала туда вслепую.

— Верно. В точности как Лара поступила со своим братом — вот только мой агент добился успеха там, где ее потерпел неудачу.

— Но зачем? Зачем нас было туда посылать?

— Мы не могли позволить «Фомору» подписать договор, — сказала она. — Если бы один народ подписал с ним договор о нейтралитете, за ними последовала бы дюжина других. «Фомор» сумел бы разделить остальных и прикончить по одному. Очень деликатное положение. Присутствие активных агентов должно было нарушить состояние равновесия — обнажить истинную природу «Фомора» в проверке огнем.

— Но почему ты не сказала мне правду? — спросила я.

— Потому что ты бы мне не поверила — какие тут могут быть сомнения?

Я нахмурилась:

— Ты все равно должна была мне все расска-

зать.

— Не будь смешной, дитя! — фыркнула Леа. — У меня не оставалось времени, чтобы рассеять твои сомнения, подозрения и теории. Не говоря уже о том, чтобы отвечать на бесконечные вопросы. Намного лучше было предложить тебе приз, на котором ты могла бы сосредоточиться — Томаса.

— А откуда ты знала, что я найду бомбу?

Леа изогнула бровь.

— Бомбу? — Леа покачала головой. — Я не знала, что именно там происходит. Но фоморы предатели. Всегда были и всегда будут. Оставался только один вопрос — форма, которую примет их предательство. И это нужно было показать свартальвам.

— Но откуда ты знала, что я справлюсь?

— Я не знала, — ответила Леа. — Но я хорошо знакома с твоим наставником. Он превосходно научил тебя отыскивать неприятную правду. — Леа улыбнулась. — И еще ты освоила его любимый прием — превращать упорядоченные ситуации в настоящий хаос.

— О чем ты говоришь? — резко спросила я.

Ее улыбка была ужасающе самодовольной.

— О том, что при любых обстоятельствах я не сомневалась, что договор подписан не будет.

— Но ты могла бы сама все это проделать.

— Нет, дитя, — возразила Леа. — Свартальвы никогда бы не пропустили меня на свой прием. Они любят ясность и порядок. И они бы сразу сообразили, что я намерена порядок нарушить.

— А про меня они ничего не знали?

— Они умеют судить о других только по их действиям, — ответила Леа. — Отсюда и желание заключить договор с фоморами, с которыми они никогда прежде не сталкивались. Мои действия показали, что со мной следует соблюдать осторожность. Ну а ты… о тебе они ничего не знали. И ты такая красотка. Все хорошо, твой город спасен, и группа богатых, умелых и влиятельных существ перед тобой в долгу. — Она немного помолчала, а потом наклонилась вперед. — Возможно, тебе следует меня поблагодарить.

— Мне — тебя? — поразилась я. — За что?

— Я полагаю, твой вечер закончился очень неплохо, — заметила Леа, приподняв брови. — Господи, ты такой трудный ребенок. Я даже не могу себе представить, как он терпит твою дерзость. Наверное, ты думаешь, что заслужила от меня награду. — Она встала и повернулась, собираясь уйти.

— Подожди! — вдруг вырвалось у меня.

Она остановилась.

Мне показалось, что мое сердце перестало биться, и меня начало отчаянно трясти.

— Ты сказала, что знакома с Гарри. А не что *была* с ним знакома. В настоящем времени.

— В самом деле?

— Ты сказала, что не понимаешь, как он терпит мою дерзость. Терпит. Настоящее время.

— В самом деле?

— Тетушка, — едва слышным шепотом продолжала я. — Тетушка… Гарри… жив?

Леа очень медленно наклонилась ко мне, и в ее умных зеленых глазах сверкнуло озорное знание.

— Я не сказала, что он жив, дитя. И тебе не следует так говорить. *Пока* не стоит.

Я опустила голову и заплакала. Или рассмеялась. Или все вместе. Я не знала. Леа не стала оставаться со мной. Выплеск эмоций ее всегда смущал.

Гарри. Живой.

Я его *не убила.*

Лучшая награда из всех возможных.

— Благодарю тебя, Тетушка, — прошептала я. — Благодарю.